А. А. Дунинъ-Горкавичъ.

ОЧЕРКЪ

НАРОДНОСТЕЙ ТОБОЛЬСКАГО СѢВЕРА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.
1904

Очеркъ народностей Тобольскаго сѣвера.

Д. чл. **А. А. Дунина-Горкавича.**

Тобольскій Сѣверъ заключаетъ въ своихъ предѣлахъ два уѣзда Тобольской губерніи: Березовскій и Сургутскій, а также Самаровскую волость Тобольскаго уѣзда, и занимаетъ громадное пространство въ 835.830 кв. верстъ, превышающее по своимъ размѣрамъ многія изъ европейскихъ государствъ.

Этотъ обширный край до сихъ поръ является мало изученнымъ. Правда, иностранными учеными давно уже производятся изслѣдованія его въ этнографическомъ и лингвистическомъ отношеніи, но изученіе экономическаго быта населенія до настоящаго времени остается мало затронутымъ. За 13-лѣтнюю мою службу лѣсничимъ въ этомъ краѣ мнѣ приходилось близко наблюдать тѣ условія, въ которыхъ живутъ инородцы Тобольскаго сѣвера. Наблюденія свои я старался зарегистровать для памяти. Помимо того, я собиралъ разнаго рода данныя, освѣщающія бытъ и экономическія условія жизни инородцевъ. Этимъ матеріаломъ я воспользовался впослѣдствіи при составленіи нѣкоторыхъ отдѣловъ особаго труда, который предполагаю напечатать въ ближайшемъ будущемъ.

Въ настоящемъ докладѣ я предлагаю вниманію читателей краткій бытовой очеркъ жизни народностей Тобольскаго сѣвера, составленный на основаніи моихъ личныхъ наблюденій и собранныхъ мною данныхъ. Въ области этнографіи труды спеціалистовъ-изслѣдователей, конечно, полнѣе и обстоятельнѣе моихъ наблюденій, и въ этомъ отношеніи я не думаю открывать Америки, но мнѣ хочется ознакомить моихъ слушателей не съ одной этнографіей Тобольскаго сѣвера: въ своемъ

докладѣ я думаю попутно затронуть и экономическій бытъ населенія, мало изученный и заставляющій желать много и много лучшаго.

I.

Количество населенія.—Этнографическій составъ.—Географическое распредѣленіе. — Административное устройство. — Инородныя управы и родовыя управленія.—Общинное землепользованіе, какъ основаніе родовой связи.—Судебныя функціи органовъ управленія. — Непримѣнимость суда родового управленія и замѣна его судомъ схода. — Административное дѣленіе населенія Сургутскаго уѣзда. — Инородческое населеніе. — Русское населеніе: городское и сельское.—Русскіе поселенцы на инородческихъ земляхъ.

Населеніе Тобольскаго сѣвера, на пространствѣ 835.830 кв. вер., достигаетъ до 35.000 душъ обоего пола: въ Березовскомъ уѣздѣ 22.194 челов., въ Сургутскомъ 8.372 челов. и въ Самаровской волости, Тобольскаго уѣзда—4.087 челов. (количество населенія Березовскаго и Сургутскаго уѣздовъ показано по даннымъ къ 1-му января 1900 г., а Самаровской волости—по свѣдѣніямъ всеобщей переписи 1897 г.). Такимъ образомъ, на одного человѣка, въ среднемъ, приходится площадь въ $23^1/_2$ кв. версты.

Въ настоящее время этнографическій составъ населенія слѣдующій: русскіе, зыряне, остяки, вогулы и самоѣды. Изъ нихъ, по численности, первое мѣсто занимаютъ остяки, затѣмъ слѣдуютъ русскіе, самоѣды, вогулы и зыряне.

Русскіе разселены на всемъ протяженіи Оби и Иртыша, какъ большими селеніями, такъ и отдѣльными домами, а внѣ предѣловъ Оби только по судоходнымъ ея притокамъ: Сосвѣ, Ваху и Югану.

Зыряне проживаютъ осѣдло въ г. Березовѣ, въ селахъ: Шекурьинскомъ, Мужахъ и Обдорскѣ, а по р. Лянину они создали колонію Саранъ-пауль.

Остяки вмѣстѣ съ вогулами населяютъ зону высокоствольныхъ лѣсовъ, при чемъ послѣдніе изъ нихъ занимаютъ исключительно бассейнъ р. Сѣверной Сосвы, т.-е. Приуральскую часть Березовскаго края.

Самоѣды населяютъ зону полярнаго сѣвера. Племя это составляютъ исключительно оленеводы-кочевники.

Всѣ инородцы здѣшняго края управляются органами, именуемыми инородными управами, соотвѣтствующими русскимъ волостнымъ правленіямъ. Въ Сургутскомъ уѣздѣ каждая управа состоитъ изъ инородческаго старшины, двухъ его кандидатовъ и писаря и, въ свою очередь, дѣлится на волости, или роды, соотвѣтствующіе русскимъ сельскимъ обществамъ и завѣдываемые родовыми старостами при двухъ кандидатахъ, на обязанности которыхъ лежитъ полученіе изъ казенныхъ магазиновъ огнестрѣльныхъ припасовъ, раздача ихъ общественникамъ и взысканіе съ нихъ ясака. Хотя дѣленіе на роды возникло изстари, подъ вліяніемъ родственныхъ отношеній и происхожденія отъ одного родоначальника, но въ настоящее время связь родовичей основана, главнымъ образомъ, на общинномъ пользованіи угодьями. Земли, находящіяся въ пользованіи каждаго отдѣльнаго рода, составляютъ извѣстную территоріальную единицу, большею частью, бассейнъ какой-либо рѣки. Границы этихъ территорій хорошо извѣстны смежнымъ сосѣднимъ родамъ, и при пользованіи угодьями соблюдаются строго каждымъ родомъ: поэтому и вторженія на чужую территорію безъ должнаго разрѣшенія караются довольно строго по обычному праву.

Возникающіе между инородцами маловажные дѣла и иски, въ качествѣ первой инстанціи, рѣшаются: у остяковъ родовыми управленіями, а у самоѣдовъ родовымъ старостой единолично. Второй инстанціей для остяковъ является управа и третьей полицейское управленіе. Самоѣдамъ же, въ случаѣ неудовольствія разбирательствомъ старосты, предоставляется право вчинять искъ общеустановленнымъ порядкомъ.

На практикѣ судъ въ вышеуказанной формѣ почти не существуетъ, такъ какъ староста и его кандидаты, за дальностью разстоянія, не могутъ собираться одновременно для составленія коллегіальнаго суда, а къ единоличному разбирательству старосты инородцы обращаться избѣгаютъ. Такимъ образомъ, возникающія претензіи часто разбираются сходомъ во время съѣзда остяковъ для положенія ясака. Съѣзды эти обыкновенно бываютъ два раза въ годъ: въ маѣ и декабрѣ.

Кромѣ того, секретно практикуется клятва надъ головой или лапой медвѣдя. Почти каждый остякъ убѣжденъ, что такая клятва, произнесенная ложно, не останется безнаказанной. Поэтому сознающій себя виновнымъ на клятву не соглашается

и признается въ винѣ; произнесшій же клятву считается оправданнымъ.

Какъ примѣръ административнаго дѣленія населенія, возьмемъ Сургутскій уѣздъ.

Остяки Сургутскаго уѣзда въ административномъ отношеніи раздѣлены на 5 управъ и 21 родъ.

Все инородческое населеніе несетъ тѣ же повинности, что и русскіе крестьяне, за исключеніемъ воинской и дорожной; введеніе послѣдней, за отсутствіемъ грунтовыхъ дорогъ, не представляется необходимымъ. Изъ окладныхъ обложеній остяки уѣзда уплачиваютъ кабинетскій ясакъ и губернскій земскій сборъ. Помимо окладныхъ обложеній, существуютъ мірскія повинности, налагаемыя приговорами сходовъ для удовлетворенія мѣстныхъ нуждъ. Распредѣленіе казенныхъ обложеній и мірскихъ повинностей производится по числу ревизскихъ душъ въ каждой управѣ и родѣ, а затѣмъ причитающуюся съ рода сумму родовичи распредѣляютъ между всѣми годными работниками, начиная съ 17-лѣтняго возраста. Размѣръ всѣхъ вообще платежей простирается до 7 руб. на каждую платежную душу. Въ нѣкоторыхъ управахъ, наприм., Юганской и Тундринской, первые два года по зачисленіи въ окладъ плательщики облагаются лишь половинной суммой сборовъ. Всего на 3.462 души мужского инородческаго населенія приходится 1.303 ревизскихъ или 1.312 зачисленныхъ въ складъ годныхъ работниковъ. Сборъ ясаковъ и повинностей пріуроченъ ко времени окончанія промысловъ и происходитъ дважды въ годъ, именно въ декабрѣ и маѣ мѣсяцахъ, въ заранѣе назначенныхъ для того мѣстахъ. Въ то же время бываютъ и сходы для составленія раскладочныхъ приговоровъ и обсужденія разнаго рода нуждъ.

Инородческое населеніе уѣзда пользуется землями на общинномъ родовомъ началѣ. За отсутствіемъ въ краѣ хлѣбопашества оно продовольствуется хлѣбомъ, пріобрѣтаемымъ у мѣстныхъ торговцевъ. Для регулированія цѣнъ на хлѣбъ въ частной продажѣ существуютъ 9 казенныхъ хлѣбозапасныхъ магазиновъ, изъ которыхъ отпускается инородцамъ мука и сало не только за деньги, но и въ ссуду. Изъ этихъ же магазиновъ отпускается имъ порохъ, дробь и свинецъ.

Русское населеніе Сургутскаго уѣзда состоитъ изъ городского и сельскаго.

Городское населеніе составляютъ, главнымъ образомъ, потомки казаковъ — завоевателей этого края. Казачья команда существовала въ г. Сургутѣ до 1881 г. По ея упраздненіи казаки переименованы въ мѣщанъ, и введено упрощенное городовое управленіе, во главѣ котораго стоитъ городской староста.

Русскіе крестьяне, населяющіе уѣздъ, въ административномъ отношеніи составляютъ одно сельское общество, подчиненное Тундринскому волостному правленію. Жители этой волости—потомки ссыльныхъ или добровольно въ давнее время переселившихся въ уѣздъ лицъ—проживаютъ, главнымъ образомъ, въ трехъ населенныхъ пунктахъ, расположенныхъ при р. Оби на инородческой территоріи Тундринской управы.

Никакихъ земельныхъ надѣловъ населеніе не имѣетъ и пользуется угодьями на правѣ захвата у инородцевъ, совершоннаго въ прежнее время, или же арендуя таковыя у нихъ. Кромѣ того, крестьяне этой волости разсѣяны по всей Оби, какъ единичными домами среди инородцевъ, такъ и самостоятельно, отдѣльными поселками. Исполняя всѣ тѣ же повинности, какія лежатъ на обязанности крестьянъ другихъ уѣздовъ, кромѣ воинской, жители этой волости уплачиваютъ изъ окладныхъ обложеній подушную и оброчную подати, губернскій земскій сборъ и — что весьма странно — сборъ на межеваніе земель. Все населеніе указываемой волости занимается тѣми же промыслами, что и остяки, да, кромѣ того, извозомъ.

Инородныя управы и Тундринское волостное правленіе находятся подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ полиціи. Въ то же время на уѣздныхъ исправникахъ — Сургутскомъ и Березовскомъ—лежатъ обязанности крестьянскихъ начальниковъ, такъ какъ управленіе и опека надъ населеніемъ этихъ уѣздовъ вверены исправнику.

Помимо того, среди инородческаго населенія, совмѣстно съ нимъ или отдѣльными поселками, проживаютъ русскіе выходцы: вышеуказанные тундринскіе крестьяне, сургутскіе мѣщане и лица изъ разныхъ другихъ мѣстностей. Поселившись въ давнее время самовольно на инородческихъ земляхъ и имѣя тамъ полную осѣдлость, лица эти тѣмъ не менѣе состоятъ до сего времени на причисленіи тамъ, гдѣ были причислены ихъ предки, и всѣ повинности несутъ по мѣсту своего причисленія. Въ общемъ, русскихъ поселенцевъ, живущихъ на инородческихъ

земляхъ и не причисленныхъ по мѣсту своего жительства,— 241 мужч. и 233 женщ., а всего 474 челов., составляющихъ 102 домохозяина, размѣщенныхъ въ 22-хъ населенныхъ пунктахъ: 5 селахъ, 1 деревнѣ, 4 земскихъ станціяхъ и 12 дровяныхъ пароходныхъ пристаняхъ. Хотя села и стоятъ на инородческой территоріи, однако основной, исконный элементъ населенія, создавшій ихъ,—русскіе, и даже въ настоящее время въ селахъ рѣдко можно встрѣтить проживающихъ тамъ остяковъ. Кромѣ этихъ 5 селъ, есть еще одинъ старинный выселокъ—деревня Ватинская, заселенная исключительно крестьянами Тундринской волости.

Постепенное развитіе въ 70—80-хъ годахъ пароходства въ этомъ краѣ создало спросъ на дрова, заготовка которыхъ не только дала заработокъ населенію, но даже составила выгодную торговую операцію. Мѣста для поставки дровъ на пароходы, дотолѣ пустынныя, стали застраиваться землянками рабочихъ-дроворубовъ.

Нѣкоторые изъ пришлыхъ рабочихъ, въ виду выгодности заработка, остались на постоянное жительство. Такимъ путемъ создались поселенія русскихъ на пристаняхъ: Сытоминой, Покурѣ, Верхне-Вартовской и Лукашкиномъ Яру. Остальныя же поселенія въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ пристани существовали еще до развитія здѣсь пароходства, отчасти какъ торговые пункты.

Благодаря учрежденію земской гоньбы, создались еще самостоятельные населенные пункты, составляющіе 4 земскихъ станціи.

Никакой административной организаціи въ такихъ поселкахъ не существуетъ: не имѣя собственныхъ выборныхъ властей, русскіе жители въ то же время не признаютъ и инородческихъ.

II.

Остяки и вогулы.—Общая характеристика остяковъ.—Характеристика Ваховскихъ и Казымскихъ остяковъ.—Условія быта остяковъ въ зависимости отъ средствъ передвиженія.—Раздѣленіе ихъ на лошадныхъ и оленныхъ.—Подраздѣленіе послѣднихъ.—Мало-сосвинскіе остяки-пѣшеходы.—Языкъ.—Религіозныя воззрѣнія остяковъ и обряды: а) воззрѣніе остяковъ на медвѣдя, б) приклады и жертвоприношенія, в) понятіе о загробной жизни, г) обрядъ жертвоприношенія лошади, д) погребальные обряды и е) примоленіе о благополучномъ промыслѣ.—Физическій типъ и характеръ вогулъ.—Ихъ жилища.—Мѣры времени и пространства.—Главные промыслы вогулъ.—Вогульское оленеводство.

Остяки, большей частью, роста средняго, худощавы, вялы, неповоротливы и старообразны; глаза имѣютъ узкіе, лицо круглое, плоское, носъ широкій, волосы, преимущественно, черные, заплетенные, въ большинствѣ случаевъ, въ косы, а иногда просто висящіе космами по плечамъ; бороды нѣтъ, а если у кого и начнетъ пробиваться на подбородкѣ волосъ, то таковой тотчасъ же выщипывается; они отличаются малой величиной ногъ. Женщины, по наружному виду, ничѣмъ не отличаются отъ мужчинъ; черты лица ихъ грубы, и онѣ обыкновенно неопрятнѣе мужчинъ.

Въ умственномъ, равно какъ и въ физическомъ, отношеніи почти всѣ остяки стоятъ ниже своихъ сосѣдей—вогулъ и самоѣдовъ, исключая двухъ группъ этой народности, именно Ваховскихъ и Казымскихъ остяковъ, способныхъ охранить свою самобытность отъ поглощенія ея русской культурой и въ то же время не только не проявляющихъ признаковъ вымиранія, но даже дающихъ значительный приростъ населенія.

Ваховскіе остяки, эти исконные звѣроловы, выдѣляются по своему физическому развитію; они стройнѣе, краснѣе и выглядятъ выше и крѣпче остальныхъ остяковъ. Особенно выдѣляются среди нихъ принадлежащіе къ смуглому типу съ густыми темными волосами. Ваховскіе остяки—народъ здоровый, и больныхъ среди нихъ встрѣтить можно рѣдко. Болѣзни, большею частью, заносныя. Пьянства, которымъ отличаются, исключая казымцевъ, другіе остяки, среди Ваховскихъ остяковъ нѣтъ. Несмотря на скудость природныхъ богатствъ и неудовлетворительное экономическое положеніе, среди нихъ наблюдается очень значительный приростъ.

Казымцы, заселяющіе бассейнъ р. Казыма и средняго теченія р. Назыма, рѣзко выдѣляются среди остяковъ по своей жизнеспособности. Это — народъ физически крѣпкій, трудолюбивый и трезвый. Сравнительно съ другими остяками они мало воспріимчивы къ русской культурѣ, но зато и весьма не требовательны. Казымцы очень подвижны; ихъ не мало разсѣяно по мелкимъ обскимъ притокамъ, между Березовомъ и селомъ Елизаровскимъ. Они какъ-то быстро приспособляются ко всякой мѣстности. Арендуетъ казымецъ гдѣ-нибудь рѣчку для рыбной ловли, построитъ избушку, а самъ промышляетъ не только рыбу, но даже и звѣря; черезъ годъ-два, глядишь, завелись у него и олени.

Вообще, казымцы отличаются способностью къ колонизаціи. Предки ихъ совершили мирное завоеваніе цѣлой области, болѣе 100 лѣтъ назадъ, такъ что теперь р. Назымъ съ притоками въ предѣлахъ Березовскаго края заселена казымцами. Въ январѣ 1901 г. я посѣтилъ и обслѣдовалъ бассейнъ р. Назыма. На существующихъ картахъ показаны заселенными только низовья этой рѣки въ предѣлахъ Тобольскаго уѣзда, я же нашелъ въ предѣлахъ средняго теченія р. Назыма, въ Березовскомъ уѣздѣ, 13 населенныхъ пунктовъ, въ которыхъ проживаютъ 42 домохозяина, составляющихъ 73 дѣльныхъ работника.

До прихода казымцевъ на р. Назымъ владѣнія остяковъ Тобольскаго уѣзда простирались далеко сѣвернѣе нынѣ существующей границы; такъ, по р. Назыму до р. Евъ-югана, а по р. Немъ-сугану до р. Торъ-соима, сѣвернѣе же этихъ рѣкъ проживали кочующіе самоѣды, изъ которыхъ нынѣ осталось только три самоѣда: Халатъ, Тангалада и Угла, проживающіе при вершинѣ р. Немъ-сугана.

О жизнеспособности казымцевъ говоритъ самый фактъ разселенія ихъ предковъ въ этихъ мѣстахъ. Исторія этого разселенія, по сообщенію казымскихъ остяковъ и остяковъ юртъ Вершинскихъ, такова. Первымъ пришелъ на Назымъ казымецъ Хоровъ изъ юртъ Пльбигорскихъ и, съ разрѣшенія вершинскихъ остяковъ, поселился на мѣстѣ нынѣшнихъ юртъ Торъ-соимъ и сталъ промышлять рыбу. За нимъ послѣдовали другіе выходцы и, мало-по-малу, захватили остяцкія и самоѣдскія земли. Самоѣдовъ они сильно тѣснили и не жили съ ними въ согласіи, отчего послѣдніе откочевали дальше на востокъ. Та-

кимъ образомъ казымскіе остяки завладѣли чужими самоѣдскими и остяцкими мѣстами и угодьями. Захватъ земель практикуется ими и по настоящее время.

Назымскіе казымцы замѣчательно подходятъ по типу къ русскимъ. Люди съ усами среди нихъ не рѣдкость и есть даже бородатые. Какъ и всѣ остальные казымцы, они носятъ косы. Табаку они не курятъ, а лишь нюхаютъ, и рѣдкіе изъ нихъ кладутъ его за губу. Живутъ они въ бревенчатыхъ, 8 и 9 аршинныхъ юртахъ съ поломъ, но безъ потолка, покрытыхъ тесомъ, а сверху дерномъ. Встрѣчаются юрты съ тесанными стѣнами и со стеклянными рамами въ окнахъ, вмѣсто льдинъ. Хлѣбъ пекутъ кислый—по-русски, для чего на дворѣ имѣются маленькія глиняныя печи.

Назымскіе казымцы—Полноватскаго прихода, но въ своей церкви не бываютъ за дальностью разстоянія. Полноватскій священникъ былъ у нихъ въ послѣдній разъ въ началѣ девятидесятыхъ годовъ, всѣ же церковныя требы они выполняютъ теперь въ сосѣднемъ М. Атлымскомъ приходѣ.

Муку имъ отпускаютъ только изъ Березовскаго магазина, а ясакъ они должны класть въ Казымѣ, для чего опять-таки приходится имъ ѣздить за сотни верстъ.

Жилища остяковъ очень разнообразны. Они живутъ въ юртахъ-землянкахъ, въ бревенчатыхъ юртахъ, въ избахъ русскаго типа и даже въ довольно благоустроенныхъ домахъ.

Хотя остяки юридически признаются кочевымъ племенемъ, но, по сравненію съ самоѣдами, ихъ можно считать осѣдлыми. Степень ихъ осѣдлости характеризуется способомъ ихъ разселенія въ зависимости отъ мѣстныхъ условій. Одни изъ нихъ разселены по р. Оби и ея притокамъ въ юртахъ, сгруппированныхъ въ небольшіе поселки, имѣющіе разъ установившееся, опредѣленное названіе. Это — остяки, большею частью, лошадные, которыхъ здѣсь считаютъ осѣдлыми. Другіе же разселены по обскимъ притокамъ въ юртахъ, разбросанныхъ по одной-по двѣ на громадномъ протяженіи этихъ рѣкъ и ихъ притоковъ. Такіе населенные пункты не всегда имѣютъ опредѣленное, установившееся названіе, а извѣстны по фамиліямъ проживающихъ въ нихъ остяковъ, при чемъ наблюдается, что пункты эти неустойчивы и нерѣдко мѣняются ихъ хозяевами, въ зависимости отъ удобства промысла и времени года.

Изъ сказаннаго видно, что не всѣ остяки живутъ одина-

ково. Разница эта находится въ зависимости отъ природныхъ условій той или иной мѣстности, которыя, въ свою очередь, вліяютъ на экономическое состояніе населенія. Особенно рѣзко выражается она при сравненіи средствъ передвиженія. Послѣднее обстоятельство, какъ извѣстно, имѣетъ настолько важное значеніе въ жизни инородца, что имъ опредѣляется въ значительной степени характеръ жизни его. Поэтому мы возьмемъ разницу въ средствахъ передвиженія за принципъ, на основаніи котораго и раздѣлимъ остяковъ на слѣдующія. двѣ группы: конныхъ и оленныхъ.

Для первыхъ средствомъ передвиженія служитъ лошадь, для вторыхъ — олень. Остяки первой группы обитаютъ по берегамъ Оби на всемъ ея протяженіи отъ границы Томской губерніи до г. Березова и по ея притокамъ: въ Сургутскомъ краѣ—Балыку и Салыму, въ низовьяхъ рѣкъ Ваха и Югана и въ низовьѣ р. Назыма, Тобольскаго уѣзда, а въ Березовскомъ краѣ—по рр. Ковинской, Васпухолу и Ендыру, а также въ низовьяхъ Сѣверной Сосвы. Остяки же второй группы обитаютъ по остальнымъ обскимъ притокамъ и по Оби ниже Березова.

Внѣшній бытъ людей указанныхъ группъ, живущихъ въ разныхъ условіяхъ, различенъ. Съ одной стороны — дикій кочевникъ — оленный остякъ, рѣдко приходящій въ соприкосновеніе съ русскими и ихъ культурой. Съ другой стороны — осѣдлый, лошадный остякъ, поселенія котораго находятся не очень далеко отъ поселеній русскихъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и соприкасаются съ послѣдними, что дастъ ему возможность входить въ довольно частыя сношенія съ русскими и перенимать отъ нихъ все, что онъ найдетъ необходимымъ. Стоитъ только взглянуть на одежду того и другого, чтобы немедленно отличить оленнаго остяка, одѣтаго въ одежды изъ шкуръ отъ лошаднаго, наряженнаго въ одежду изъ фабричнаго матеріала своеобразнаго покроя, а иногда и въ одежду чисто-русскаго типа, съ его неизбѣжными „спинжаками“, „брюками на улицу“ и даже „калошами“.

Различная степень удаленности остяковъ отъ русскихъ поселеній является вторымъ факторомъ, обусловливающимъ разницу въ ихъ бытѣ. Это рѣзко замѣтно у остяковъ близъ Нарымской границы и по р. Салыму.

Для лошадныхъ остяковъ, обитающихъ по берегамъ Оби

на протяженіи 1.350 верстъ, основнымъ источникомъ существованія служитъ рыболовный промыселъ. Остяки этой группы, проживающіе по притокамъ, имѣютъ свои рыболовныя угодья все-таки на р. Оби и ея рукавахъ; звѣроловство же для нихъ является вспомогательнымъ промысломъ. Существуетъ еще источникъ добыванія средствъ для существованія, это — заготовка дровъ для пароходовъ. Заготовкой этой занимаются приобскіе остяки и русскіе, главнымъ образомъ, въ Сургутскомъ краѣ и въ Самаровской волости (русскіе), въ Березовскомъ же краѣ дрова готовятся въ незначительномъ количествѣ.

У Салымскихъ и Балыцкихъ остяковъ развито звѣроловство почти въ одинаковой степени съ рыболовствомъ; немаловажную роль играетъ также и кедровый промыселъ.

Хотя для второй группы остяковъ средствомъ передвиженія служитъ одинъ олень, но условія ихъ жизни настолько различны, что они смѣло могутъ быть въ свою очередь подраздѣлены на слѣдующія четыре подгруппы:

1) Остяки, обитающіе ниже Березова, — рыболовы-оленеводы. Оленоводство съ избыткомъ обезпечиваетъ имъ средства передвиженія, пищу, одежду и кровъ.

2) Остяки, обитающіе въ бассейнѣ рѣкъ: Нима, Тромъюгана, Агана, Назыма и Казыма, а также вогулы, — звѣролово-рыболовы-оленеводы. Оленеводство лишь въ обрѣзъ обезпечиваетъ имъ средства передвиженія, пищу и одежду. Какъ тѣ, такъ и другіе одежду шьютъ изъ оленьихъ шкуръ.

3) Остяки, обитающіе въ бассейнѣ р. Ваха. Страна ихъ обдѣлена природою. Единственный объектъ ихъ промысла — бѣлка. Народъ бѣдный. Ихъ оленеводство даже не обезпечиваетъ средствъ передвиженія. Одѣваются они хотя и въ оленьи шкуры, но покупныя; поэтому одежда ихъ шьется съ разсчетомъ на экономію.

4) Остяки, обитающіе въ бассейнѣ р. Югана, хотя имѣютъ оленей менѣе, чѣмъ Ваховскіе, но они, сравнительно съ Ваховскими, народъ богатый. Они, кромѣ бѣлки, промышляютъ соболя, оленя и лося. Одежда ихъ приближается къ типу одежды лошадныхъ остяковъ, хотя встрѣчается и мѣховая.

Кромѣ того, къ особой группѣ должно отнести остяковъ-пѣшеходовъ-звѣролововъ, живущихъ по рѣкѣ Малой Сосвѣ и не имѣющихъ ни лошадей, ни оленей. Тамъ сообщеніе производится на лыжахъ.

Хотя обыкновенно впрягаются въ нарту нѣсколько собакъ, но тѣмъ не менѣе остякъ, двигаясь на лыжахъ со спеціальнымъ посохомъ въ рукахъ, тянетъ лямку нартъ, и, такимъ образомъ, въ равной степени съ собаками участвуетъ въ работѣ по передвиженію.

Нужно замѣтить, что собачьи нарты Мало-сосвинскихъ остяковъ отличаются отъ обыкновенныхъ по своей величинѣ и устройству. Онѣ гораздо длиннѣе, и полозья у нихъ значительно шире, такъ что на нихъ безъ особой обременительности можно перевозить довольно значительный грузъ.

По наружности Мало-сосвинскіе остяки люди средняго роста, крѣпкаго тѣлосложенія, съ густыми волосами на головѣ, заплетенными у нѣкоторыхъ въ косы. Это едва ли не самая красивая группа остяковъ. Живутъ они въ сравнительно чистыхъ, бревенчатыхъ избахъ съ чувалами, безъ сѣней. Одежду ихъ зимою составляютъ шубы изъ шкурокъ черной утки. Поверхъ шубы надѣвается шабуръ: мужчинами холщевой, а женщинами ситцевый. Мало-сосвинскіе остяки слывутъ за лучшихъ звѣролововъ; рыболовство же у нихъ развито очень мало. Звѣринымъ промысломъ занимаются даже женщины. Промышляютъ, главнымъ образомъ, лося и соболя.

Остяки не говорятъ однимъ языкомъ повсемѣстно. Чуть ли не въ каждомъ отдѣльномъ притокѣ языкъ особаго оттѣнка, но въ общемъ остяцкій языкъ можно раздѣлить на три главныхъ нарѣчія: иртышское, сургутское и березовское, или нижнеобское. Первое господствуетъ во всей рѣчной области Иртыша и отъ его устья вверхъ по Оби до р. Салыма. На рѣкѣ Салымѣ уже существуетъ оттѣнокъ языка, составляющій переходъ къ сургутскому нарѣчію. Сургутское нарѣчіе, считающееся самымъ чистымъ, простирается до границы Томской губерніи и проникаетъ даже въ Нарымскій край: оно, въ свою очередь, подраздѣляется на юганское или нижнее, ваховское или среднее, и васъ-юганское или верхнее. Въ нижне-обскомъ нарѣчіи различаютъ два оттѣнка: кондинскій и обдорскій; изъ нихъ первый составляетъ главное звено между обдорскимъ и первыми двумя главными нарѣчіями — иртышскимъ и сургутскимъ. Въ обдорское нарѣчіе вошло много словъ самоѣдскихъ, а въ кондинское — вогульскихъ.

Въ оттѣнкахъ сургутскаго нарѣчія большой разницы не существуетъ. Мой сургутскій объѣздчикъ — толмачъ, знающій,

главнымъ образомъ, ваховское нарѣчіе, свободно объясняется съ остяками всего сургутскаго уѣзда, включая сюда и Салымскихъ остяковъ.

Хотя остяки оффиціально признаны православными христіанами, въ дѣйствительности же они только числятся таковыми. Невозможность частаго посѣщенія церкви вслѣдствіе отдаленности и незнаніе богослужебнаго языка служатъ главными причинами слабаго ихъ сближенія съ православной религіей; почти всѣ они бываютъ въ церкви однажды въ годъ, во время говѣнія. Большинство изъ нихъ даже и сейчасъ — убѣжденные идолопоклонники.

Христіанство, не проникнувъ глубоко въ сознаніе остяковъ, смѣшалось съ языческими воззрѣніями, въ результатѣ чего явились новые религіозные взгляды, представляющіе собой смѣсь христіанства и язычества съ преобладаніемъ послѣдняго.

Вотъ нѣкоторыя изъ религіозныхъ остяцкихъ воззрѣній, перемѣшанныхъ съ суевѣріями и несложныхъ, какъ и самая жизнь ихъ.

Медвѣдь — сынъ Божій, свергнутый съ неба за гордость. Упалъ онъ на землю между двухъ лѣсинъ нагой и въ такомъ положеніи лежалъ долгое время, такъ что обросъ шерстью. Въ одно время Богъ ему сказалъ: „Будетъ тебѣ лежать: ходи хотя медвѣдемъ". Медвѣдь при встрѣчѣ съ человѣкомъ становится на заднія лапы; это значитъ, что онъ спрашиваетъ у Бога, велитъ ли Онъ ему задрать человѣка. Медвѣдь, какъ сынъ Божій, все знаетъ, и поэтому остяки въ разныхъ житейскихъ случаяхъ, гдѣ по ихъ обычаю необходима клятва, произносятъ таковую на головѣ или лапѣ медвѣдя. Ложно поклявшійся, неправый человѣкъ всегда попадается медвѣдю. Все-таки Богъ велѣлъ человѣку бить медвѣдя.

Медвѣдь, задравшій человѣка, предается сожженію вмѣстѣ со шкурой. Опредѣляется же его вина вскрытіемъ желудка: если въ немъ найденъ клубокъ волосъ или что-нибудь похожее на это, значитъ, медвѣдь опоганился — съѣлъ человѣка.

Для умилостивленія враждебныхъ силъ остякъ приноситъ жертвы. Привожу примѣры жертвоприношеній, о которыхъ мнѣ удалось узнать.

Въ 1896 году ваховская остячка видѣла сонъ, что будетъ на народъ болѣзнь, для предотвращенія которой нужно бросить курить табакъ, дѣлать приклады вещами и принести въ

жертву лошадей. Съ Ваха пріѣзжалъ на Обь нарочный сообщить объ этомъ. Было рѣшено, начиная отъ юртъ Вартовскихъ до Покурскихъ (на протяженіи около 100 верстъ), въ разныхъ пунктахъ принести въ жертву 7 лошадей; рѣшеніе это было исполнено, и, кромѣ того, были пожертвованы приклады.

Въ концѣ іюня 1896 г. положены были приклады, близъ юртъ Нижне-вартовскихъ, стоимостью около 70 рублей, и въ Покурскомъ еганѣ, стоимостью рублей на 40—50. Клали Урьевскіе, Ивашкинскіе, Комаровскіе и Покурскіе остяки.

По словамъ мѣстнаго лѣсного объѣздчика, случайно нашедшаго въ первыхъ числахъ іюля 1896 г. мѣсто приклада близъ юртъ Нижне-вартовскихъ, оказывается, что на островѣ между протокой Чахлопей и Обью, верстахъ въ 4-хъ отъ юртъ Вартовскихъ, установленъ на вершинѣ березы черепъ оленя, а по сучьямъ развѣшенъ прикладъ, примѣрно рублей на 70. Есть шелковыя и простыя шали, шерстяныя матеріи, платки, ситцы и миткаль.

У Урьевскихъ остяковъ имѣется въ лѣсу общественный лабазъ для склада и храненія прикладовъ. Лабазъ богатый; въ немъ, кромѣ Урьевскихъ, есть еще приклады Аганскихъ и Тромъ-юганскихъ остяковъ.

Понятіе о загробной жизни у остяковъ, какъ и у всѣхъ малокультурныхъ народовъ, очень смутны. Изъ обрядовъ, сопровождающихъ погребеніе покойника, можно видѣть, что, по ихъ мнѣнію, существованіе человѣка со смертью не прекращается, что онъ будетъ жить и за гробомъ и нуждаться въ тѣхъ же предметахъ, которые были необходимы для него при жизни на землѣ, почему остяки и кладутъ въ могилу многіе изъ этихъ предметовъ.

Что касается суевѣрій, то все міровоззрѣніе остяка проникнуто ими. Дѣтскій умъ его не можетъ понять надлежащимъ образомъ окружающихъ его явленій. Всѣ попытки его въ этомъ направленіи ведутъ къ увеличенію количества суевѣрій. Отсюда широко распространенная вѣра въ чудодѣйственную силу шамановъ, которыхъ остяки приглашаютъ къ больнымъ. Шаманъ предварительно ѣстъ пангу—сушеный мухоморъ, пьянѣетъ отъ него и затѣмъ ворожитъ, т.-е. собственно кричитъ и играетъ на бубнѣ.

Обряды остяковъ можно раздѣлить на слѣдующія три

группы: а) обряды, сопровождающіе жертвоприношеніе, б) обряды при погребеніи и в) обряды, совершаемые передъ отправкой на промыселъ. Какъ на примѣръ обрядовъ перваго рода, укажу на слѣдующій фактъ. 8-го ноября 1898 года на Покурѣ остяки совершали жертвоприношеніе. Предназначенную для этой цѣли лошадь изъ пригона подвели къ юртѣ, около которой столпились остяки. Каждый изъ присутствовавшихъ подходилъ къ лошади и гладилъ ее въ знакъ прощанія, затѣмъ увели ее въ лѣсъ и привязали къ дереву, завязавъ ей глаза. Одинъ изъ остяковъ, пощупавъ у лошади сердце, закололъ ее длиннымъ копьемъ. Лошадь завизжала, скакнула и свалилась. Послѣ того всѣ остяки что-то закричали. Подъ струящуюся кровь подставили кусенку, затѣмъ заткнули рану. Съ лошади сняли шкуру, которую пожертвовали въ прикладъ, а мясо сварили въ котлѣ у разведеннаго тутъ же костра и съѣли.

Объ обрядахъ при погребеніи можно составить понятіе по слѣдующимъ собраннымъ мною фактамъ. При прощаніи съ покойникомъ, чтобы онъ не очутился на томъ свѣтѣ за каменной стѣной, и можно было бы съ нимъ увидѣться, родные и знакомые точатъ на брусѣ ножъ, при чемъ брусъ изъ рукъ въ руки не передаютъ, а кладутъ его на отдѣльное мѣсто для того, чтобы каждый подходилъ и самъ бралъ его. Брусъ и въ обыденной жизни остяки не передаютъ одинъ другому изъ руки въ руку, развѣ только въ какихъ-нибудь спѣшныхъ случаяхъ и то не съ ладони, а съ противоположной ея стороны. На Покурѣ весною 1898 г. хоронили остяка Семена Ларомкина. Гробъ сдѣлали шириною въ 1 аршинъ и вышиною въ 3/4 арш.; положили топоръ, ножъ, ноговицы, ружье, котелъ, чайникъ, 5 фунтовъ калачей, да въ ротъ дали еще калачъ. Запасной одежды онъ еще при жизни заказывалъ не класть.

Въ февралѣ 1896 года тамъ же, на Покурѣ, хоронили остячку Пантелееву. Гробъ сдѣлали шириною въ 6 четвертей и вышиною въ 1 арш., положили съ покойницей 2 зипуна, 5 шалей, котелъ, топоръ, дратвы для починки, ноговицы и лыжи.

Весною 1898 года въ юртахъ Урьевскихъ хоронили остячку Марью Ганджеву. Гробъ сдѣлали, вѣроятно, очень большихъ размѣровъ, такъ какъ въ него положили всю ея одежду, какая у ней только была, — а остячка была богатая.

Покойниковъ обыкновенно хоронятъ въ гробахъ, которые дѣлаютъ изъ досокъ, длиною 3-хъ арш., шириною отъ 1-го до 2-хъ аршинъ, высотою $^3/_4$ арш. и выше. Покойника одѣваютъ не только въ нижнюю, но даже въ верхнюю одежду и кладутъ ему въ гробъ въ запасъ одежду и пищу—калачей и хлѣба, кромѣ того нѣкоторыя орудія и другіе необходимые предметы: топоръ, ножикъ, котелъ, чайникъ, лыжи, ружье, лукъ. Всѣ вещи кладутся хорошаго качества въ томъ убѣжденіи, что на томъ свѣтѣ предстоитъ дальній путь, гдѣ нѣтъ ни дорогъ, ни земскихъ подводъ, ни купцовъ. За пазуху покойнаго кладутъ обстриженные при жизни его ногти, для того, чтобы ему легче было на томъ свѣтѣ подниматься на гору, а то безъ ногтей онъ можетъ скатиться.

Далѣе я приведу выдержку изъ отношенія сургутскаго мирового судьи въ сургутское уѣздное полицейское управленіе, отъ 2 марта 1902 года.

„При трупѣ инородца юртъ Путолинскихъ Локосовской инородной управы, Василія Петрова Курлыкина, вырытомъ изъ могилы для судебно-медицинскаго осмотра 28-го минувшаго февраля, оказалось слѣдующее имущество: 1) оленья шуба; 2) черный бараній полушубокъ; 3) желтый головной платокъ; 4) холщевый армякъ; 5) старая небольшая шуба; 6) старое суконное пальто; 7) оленья шкура; 8) мѣдный котелъ безъ ручки; 9) деревянная чашка; 10) деревянная сломанная ложка; 11) топоръ; 12) ножъ въ ножнахъ; 13) опояска; 14) три пары поговицъ; 15) пара сапогъ съ голенищами; 16) старыя трико выя шаровары. 17) корноватикъ; 18) блюдце; 19) чайная чашка; 20) кисетъ съ табакомъ; 21) коробка спичекъ; 22) двѣ стрѣлы; 23) двѣ шапки; 24) два байковыхъ зипуна; 25) табакерка съ нюхательнымъ табакомъ; 26) семь копѣекъ денегъ; 27) изображеніе оленя, вырѣзанное изъ бересты; 28) ситцевая рубаха; 29) трико выя шаровары старыя; 30) двое рукавицъ; 31) гаруеный шарфъ и 32) мѣдный крестъ.

Изъ обрядовъ послѣдней группы можно указать на обрядъ, совершаемый предъ отправкой на рыбный промыселъ. Во время ледохода, предъ сборами на рыбный промыселъ, остяки приносятъ жертву водяному богу. Бьютъ теленка или овцу, сдираютъ кожу и набиваютъ ее сѣномъ, затѣмъ спускаютъ подъ ледъ, приговаривая: „Возьми Никъ-Пки да пошли намъ рыбы“, и тотчасъ же черпаютъ въ ведро воды, несутъ ее въ юрту и

гадаютъ о предстоящемъ промыслѣ. Если въ ведрѣ вода крутится, то разсчитываютъ на хорошую добычу рыбы, а если вода спокойна, то полагаютъ, что будетъ плохой уловъ рыбы.

Мнѣ удалось узнать о слѣдующемъ характерномъ обрядѣ, совершаемомъ предъ отправкой на звѣриный промыселъ. По рѣкѣ Пиму, въ юртахъ Агапкиныхъ, проживаетъ старикъ-ворожей, Александръ Агапычъ Кантеровъ. Въ эти юрты ежегодно предъ уходомъ на первый по рѣкоставу звѣриный промыселъ собираются окрестные остяки, и совершаютъ моленіе объ удачномъ промыслѣ.

По сообщенію Т. А. Замятина, вотъ какъ происходило въ 1898 г. означенное моленіе. Всѣ собравшіеся на моленіе остяки отправились изъ юрты саженъ за 50, къ небольшому увальчику, на которомъ стояла сосна арш. 6-ти. У подножія сосны поставили бутылку съ водкой и рюмку и стали кланяться соснѣ; затѣмъ вылили на ея корни сразу три рюмки водки и опять стали кланяться. Послѣ этого одинъ изъ остяковъ влѣзъ на сосну и срѣзалъ у ней ножемъ вершину, длиною въ аршинъ, очистилъ ее отъ лишнихъ сучьевъ, такъ что образовалось нѣчто на подобіе креста; затѣмъ остяки вернулись въ юрты, а одного послали за оленемъ. Въ юртахъ заставили остячку сшить рубаху, которую надѣли на сосновую вершину со всѣмъ съ рукавами и подпоясали; самую же вершинку повязали платкомъ и въ такомъ видѣ поставили на нары, поклонились три раза и помѣстили это чучело въ чувалъ, плеснули на него три рюмки водки и развели огонь. Когда все сгорѣло, остяки вышли на улицу колоть оленя. Сначала къ мордѣ оленя поднесли бутылку вина и рюмку; обступивъ его кругомъ, одинъ разъ поклонились ему. Въ заключеніе два человѣка съ обѣихъ сторонъ вонзили оленю въ сердце ножи, и всѣ присутствующіе остяки вытекающею кровью мазали себѣ лица; потомъ отправились въ юрту, гдѣ устроили пиршество: пили водку и ѣли сваренное мясо заколотаго оленя.

Смыслъ и значеніе этого моленія таковы: вершинка сосны, одѣтая въ рубаху и сожженная, это — ангелъ, посылаемый на небо, чтобы попросить у Бога успѣха въ промыслѣ.

Моленіе это по-остяцки называется „пари". Иногда, вмѣсто оленя, колютъ овцу, теленка или жеребенка. Кромѣ того, каждый изъ отправляющихся на звѣриный промыселъ вѣшаетъ на дерево бѣлый коленкоръ или миткаль, смотря по средствамъ,

отъ 2-хъ до 10 арш., приговаривая: „Возьми Вонтъ-Пки“ (лѣсной богъ). Если кто не сдѣлалъ приклада, то считаетъ себя грѣшнымъ предъ Богомъ и даже боится ходить въ лѣсъ-урманъ, отчего происходитъ упущеніе въ промыслѣ

Вогулы, о которыхъ я хочу говорить, живутъ въ бассейнѣ р. Сосвы, составляя двѣ волости: Сосвинскую и Ляпинскую. Количество ихъ приблизительно можно опредѣлить цифрой 2.400 душъ обоего пола.

Они роста средняго; волосы имѣютъ черные, заплетенные, какъ и у остяковъ, въ косы; цвѣтъ лица темный, глаза узкіе, скулы значительно выдавшіяся, растительность на лицѣ слабая; руки длинныя; ноги слегка кривыя.

По сравненію съ остяками, вогулы выглядятъ болѣе здоровыми и крѣпкими, потому что они ростомъ выше остяковъ, и нѣтъ у нихъ той вялости, которая присуща первымъ. Они довольно выносливы, хотя и не отличаются особенной силой. Несмотря на свою неуклюжесть, вогулъ проявляетъ замѣчательную ловкость и отвагу, когда онъ гонится за звѣремъ на лыжахъ или скользитъ на своей маленькой лодочкѣ по бѣлѣющимъ гребнямъ рѣчныхъ волнъ.

Хотя у вогулъ такія помѣщенія, какъ бревенчатыя избы и дома русскаго типа, какіе встрѣчаются у нѣкоторыхъ остяковъ,—рѣдкость, и живутъ они, преимущественно, въ юртахъ, однако вогульскія юрты значительно лучше остяцкихъ: онѣ чище и просторнѣе, потому что строятся съ сѣнями. Вогульская юрта представляетъ собою бревенчатую избу, прокопопаченную мхомъ и покрытую тесомъ. Въ ней имѣется полъ, потолокъ и окна со стеклянными рамами. Въ одномъ изъ угловъ юрты—чувалъ-каминъ, дымъ изъ котораго выходитъ въ сквозную трубу, составляющую одно цѣлое съ чуваломъ.

У вогулъ, равно какъ и у остяковъ, имѣются свои особыя единицы времени и пространства. Такъ, длину они мѣряютъ на ручную сажень, а разстояніе опредѣляютъ по оленьему бѣгу, причемъ разстояніе, которое олень можетъ пробѣжать безъ отдыха, равное приблизительно 10-ти нашимъ верстамъ, принимается за единицу пространства. Поэтому, напримѣръ, на вопросъ: далеко ли до такихъ-то юртъ, отвѣчаютъ: „три оленьи побѣжки“, или „три оленьи мѣрки“. Дальнія разстоянія опредѣляются числомъ дней хода на лыжахъ, причемъ ходъ

въ осенній день считается не свыше 25 верстъ. Кратчайшее время опредѣляется по варкѣ котла, т.-е. считается время, въ продолженіе котораго можетъ свариться въ котлѣ пища, 1—2 часа.

Главные промыслы вогулъ — рыболовство и звѣроловство. Въ области рыболовства немаловажную роль играетъ такъ называемая сосвинская сельдь, составляющая одинъ изъ важнѣйшихъ пищевыхъ продуктовъ. Обыкновенно каждая семья насушиваетъ на зиму не менѣе 5—6 пудовъ.

Вогулы слывутъ за хорошихъ звѣролововъ и не безъ основанія: привычки звѣря, населяющаго ихъ лѣса, изучены ими въ совершенствѣ, такъ что вогулъ рѣдко упускаетъ звѣря, котораго онъ замѣтилъ. У Сосвинскихъ вогулъ звѣроловный промыселъ начинается съ конца августа и продолжается до половины апрѣля, но ведется онъ не сплошь, прерываясь рыболовствомъ и пьянствомъ, такъ что много благопріятнаго для промысла времени упускается. У вогулъ Ляпинскихъ добыча звѣря—незначительна, такъ какъ архангельскіе кочующіе зыряне, наводняя этотъ край своими оленьими стадами, ранѣе вотчинниковъ успѣваютъ обловить звѣропромышленныя мѣста.

Вогулы занимаются также и оленеводствомъ. Олени у нихъ пасутся, какъ лѣтомъ, такъ и зимою на однихъ и тѣхъ же опредѣленныхъ мѣстахъ. Каждый вогулъ со стадомъ останавливается на мѣстѣ прошлогодней стоянки. Случается, что олени въ концѣ зимы уходятъ одни на Уралъ въ тѣ мѣста, гдѣ паслись въ минувшемъ году. Въ умѣренное лѣто мѣсто пастьбы мѣняется 2—3 раза, а въ жаркое и болѣе.

Вогулы такъ же, какъ и остяки, остаются чуждыми христіанству. Вѣрованія ихъ представляютъ полное сходство съ остяцкимъ міровоззрѣніемъ.

III.

Самоѣды.

Общая характеристика самоѣдовъ. — Ихъ жилища. — Самоѣды Каменные и Низовые. — Годовой кругооборотъ ихъ кочевокъ. — Дѣленіе самоѣдовъ на роды и ватаги. — Подраздѣленіе Низовыхъ самоѣдовъ на самоѣдовъ р. Ныды, — Тазовской губы, — низовьевъ р. Пура, — р. Таза и степныхъ самоѣдовъ. — Казымскіе бродячіе самоѣды—лѣсные. — Матеріалы и предметы одежды изъ оленьихъ шкуръ. — Пьянство и эксплоатація самоѣдами своей братіи. — Народъ Няхъ-самар-яхъ.

Самоѣды роста ниже средняго, по сложенія крѣпкаго; они—широкоплечи, съ большой головой, узкимъ лбомъ и круглымъ лицомъ; цвѣтъ кожи у нихъ изжелта-смуглый, скулы выдавшіяся, какъ у монголовъ, глаза узкіе, волоса черные и жесткіе, руки и ноги короткія. По внѣшнему виду самоѣдинъ здоровѣе остяка и даже вогула. Самоѣды — почти всѣ идолопоклонники. Живутъ они въ чумахъ. Самоѣдскій чумъ—конусовидная палатка. Основъ ея—тонкіе деревянные шесты, поставленные комлевыми заостренными концами наклонно къ землѣ, на разстояніи до 3-хъ четвертей другъ отъ друга, тонкіе же концы скрѣплены въ одномъ общемъ гнѣздѣ, гдѣ находится отверстіе для выхода дыма. На шесты эти натягиваются сшитыя оленьи шкуры. При перекочевкѣ чумъ перевозится на особыхъ нартахъ и складывается не болѣе, какъ въ два часа. Дѣломъ этимъ обыкновенно занимаются женщины. Въ срединѣ чума кладется желѣзный листъ, на которомъ устраивается очагъ. По бокамъ очага кладутся доски, застилаемыя оленьими шкурами.

Оленеводство въ жизни самоѣдина играетъ настолько видную роль, что самая жизнь этого племени приноровлена къ потребностямъ и жизни этихъ полезныхъ животныхъ. Самоѣдинъ не имѣетъ постояннаго и опредѣленнаго мѣстопребыванія, а по обыкновенію движется вмѣстѣ съ принадлежащимъ ему стадомъ оленей, мѣняющимъ мѣста пастбища соотвѣтственно времени года.

Самоѣды населяютъ зону полярнаго сѣвера. Кочевья ихъ занимаютъ все побережье Ледовитаго океана отъ Уральскаго хребта до Тазовской губы. Они подраздѣляются на двѣ группы:

Каменныхъ и Низовыхъ: Кочевья Каменныхъ самоѣдовъ простираются отъ вершины рѣки Соби вдоль по Уральскому хребту до Карскаго моря; здѣсь они сходятся съ Пустозерскими самоѣдами Архангельской губерніи. На востокъ же кочевья Каменныхъ самоѣдовъ простираются до Обской губы. Кочевья Низовыхъ самоѣдовъ находятся между Обскою и Тазовскою губою и на востокѣ граничатъ съ кочевьями Юракскихъ самоѣдовъ Енисейской губерніи.

Мѣсто лѣтнихъ кочевій Каменныхъ самоѣдовъ—полуостровъ Ялмалъ, откуда они со своими оленьими стадами къ концу сентября перекочевываютъ къ берегамъ Оби и вслѣдъ затѣмъ по рѣкоставу (конецъ октября) переваливаютъ Обь, главнымъ образомъ, между Нуйко и Мысомъ Жертвъ. Въ среднемъ, изъ числа ихъ переходятъ Обь у „Хе"—35 оленьихъ стадъ=57 чумовъ съ населеніемъ въ 280 душъ, выше „Хе" на 40 верстъ, въ мѣстности „Котонъ-юганъ", — отъ 20 до 50 оленьихъ стадъ и ниже Хе на 25 в., у Мыса Жертвъ—до 30 стадъ. Бываютъ случаи, что часть оленьихъ стадъ остается на зимовку по ту сторону Оби.

По перевалкѣ они кочуютъ между рѣками Надымомъ, Полуемъ и Обью, направляясь, преимущественно, въ вершину Полуя.

Съ марта мѣсяца начинается обратное движеніе самоѣдовъ къ мѣстамъ лѣтнихъ кочевокъ; въ періодъ съ конца марта и до половины апрѣля они переваливаютъ Обь.

Кочуя въ этой смѣшанной области тундръ и лѣсовъ въ теченіе 4-хъ мѣсяцевъ (ноябрь, декабрь, январь и февраль), они занимаются звѣроловствомъ, а также, пользуясь обиліемъ лѣса, заготовляютъ необходимые въ ихъ обиходѣ предметы.

За этотъ періодъ они посѣщаютъ Обдорскъ три раза.

Въ первый разъ, вслѣдъ по перевалкѣ черезъ Обь въ ноябрѣ мѣсяцѣ,—исключительно за покупками припасовъ и въ то же время для опредѣленія цѣнъ на свои товары, для чего и привозятъ незначительное количество товаровъ, и если даютъ имъ цѣны неподходящія, то увозятъ товары назадъ. Во второй разъ, съ половины декабря и до 20 января,—для положенія ясака и сбыта товаровъ и, наконецъ, въ третій разъ (очень немногіе)—въ мартѣ мѣсяцѣ, передъ окончательной отправкой въ мѣста лѣтнихъ кочевій.

Самый значительный ихъ пріѣздъ бываетъ во второй разъ,

причемъ, разумѣется, пріѣзжаютъ не всѣ, остальная часть ихъ остается при стадахъ въ мѣстахъ кочевій.

Каменные самоѣды—оленеводы и звѣроловы; въ озерахъ и рѣчкахъ Ялмала они ловятъ рыбу сѣтями и маленькими неводками, но только для своего пропитанія.

Товаръ ихъ главнымъ образомъ, — оленьи шкуры, а также шкуры бѣлаго медвѣдя, песца, тюленя, моржа; привозятъ и мамонтовую кость.

Низовые самоѣды болѣе осѣдлы, чѣмъ ихъ сосѣди Каменные, и имъ не приходится дѣлать такихъ большихъ переходовъ въ мѣста зимнихъ кочевій оленьихъ стадъ; они занимаютъ пространство отъ р. Ныды до рр. Пура и Таза и полуостровъ, заключенный между Обскою и Тазовскою губою, кочуютъ также и въ Надымской вотчинѣ остяковъ. Въ свою очередь, на ихъ земляхъ кочуютъ остяки-оленеводы. Кочевья самоѣдовъ, болѣе или менѣе постояннаго характера, расположены, главнымъ образомъ, у Обской и Тазовской губы, а также по рѣкамъ и рѣчкамъ; свои оленьи стада на лѣто они отгоняютъ къ морю подъ присмотромъ пастуховъ; остальные свободные члены семьи занимаются въ это время рыболовствомъ.

Низовые самоѣды-оленеводы, рыболовы и звѣроловы—снимаются со своихъ мѣстъ въ ноябрѣ, направляясь одни преимущественно съ рыбой и пушниной на Сургутъ, а другіе, исключительно съ одной пушниной, — на Обдорскъ; послѣдніе по пересѣченіи на своемъ пути рѣки Надыма оставляютъ здѣсь свои оленьи стада, а съ товарами отправляются въ Обдорскъ для положенія ясака въ январѣ мѣсяцѣ, откуда въ двадцатыхъ числахъ января отправляются обратно къ стадамъ и, переваливъ Надымъ, пасутъ тамъ оленей въ теченіе февраля, промышляя въ то же время звѣря. Съ марта же мѣсяца начинается обратная перекочевка къ своимъ мѣстамъ.

Эти двѣ группы самоѣдовъ (Каменные и Низовые) подвѣдомственны Обдорской инородной управѣ. Каждая группа раздѣляется на роды, каждый родъ на ватаги (ватажный старшина вноситъ ясакъ за свою ватагу).

Воспользовавшись наѣздомъ въ зиму 1901—1902 г. на сургутскую ярмарку Низовыхъ самоѣдовъ, я при помощи переводчиковъ разспросымъ путемъ собралъ нѣкоторыя данныя относительно этихъ самоѣдовъ.

Всѣхъ Низовыхъ самоѣдовъ можно раздѣлить на слѣдующія

5 группъ: 1) самоѣдовъ р. Ныды, 2) Тазовской губы, 3) низовьевъ р. Пура, 4) р. Таза и 5) степныхъ самоѣдовъ.

Ныдскіе самоѣды, главнымъ образомъ,—рыболовы; звѣропромышленниковъ между ними почти нѣтъ вовсе. Оленеводство у нихъ не богатое и только у двухъ самоѣдовъ (Ламбу-салынтеръ и Иколи-ятии) есть по 100 оленей, а у остальныхъ, большею частью, отъ 20 до 40 штукъ.

Самоѣды низовьевъ р. Пура и степные—оленеводы-звѣроловы. Три эти группы со своими товарами ѣздятъ, преимущественно, въ Обдорскъ. Самоѣды рѣки Таза—рыболовы-оленеводы. Они находятся въ вѣдѣніи Туруханскаго стапа, Енисейской губерніи. Самоѣды Тазовской губы проживаютъ, главнымъ образомъ, по лѣвую сторону губы. Они занимаются оленеводствомъ, рыболовствомъ и звѣроловствомъ. Большая часть ихъ везетъ товары свои—рыбу и пушнину—въ Сургутъ, остальные же, главнымъ образомъ съ пушниной—направляются въ Обдорскъ. Самыми богатыми считаются степные енисейскіе самоѣды, кочующіе между Тазовскою губою и рѣкою Енисеемъ.

Кромѣ Каменныхъ и Низовыхъ самоѣдовъ, причисленныхъ къ Обдорской инородной управѣ, состоятъ еще въ вѣдѣніи Казымской управы, такъ называемые бродячіе самоѣды (лѣсные самоѣды—Нянъ-хазово), всего 6 ватагъ: Тази, Нянкчу, Убъ, Халь, Лянкие и Нечу. Первыя три изъ нихъ считаются „дальнею самоѣдью", такъ какъ они кочуютъ даже до Туруханска. Остальныя три называются „мозымской самоѣдью"; они кочуютъ по рѣкѣ Назыму, который самоѣды и остяки называютъ Мозымомъ, и въ вершинахъ и притокахъ рѣкъ: Казыма, Лямина, Тромъ-югана, Агана, Надыма, Пура и Таза.

О домашнемъ бытѣ самоѣдовъ уже много писалось путешественниками и изслѣдователями-этнографами; ничего новаго я добавить не могу и потому не буду распространяться объ этомъ; скажу лишь объ одеждѣ, что, впрочемъ, почти въ равной степени относится къ остякамъ и вогуламъ.

Самоѣды бѣлья не носятъ, всю одежду шьютъ изъ оленьихъ шкуръ оленьими жилами. Выдѣлку шкуръ производятъ сами; для лѣтней одежды выдѣлываютъ шкуры безъ шерсти. Типъ одежды у самоѣдовъ и остяковъ одинаковъ.

Слѣдуетъ отмѣтить, что самоѣды въ отношеніи одежды гораздо опрятнѣе остяковъ: на ночь самоѣды надѣваютъ другую

одежду, а бывшую въ употребленіи днемъ выколачиваютъ на морозѣ.

Кстати, говоря объ одеждѣ, я не могу не остановиться на томъ обстоятельствѣ, что на бывшей недавно въ Петербургѣ международной выставкѣ костюмовъ самоѣдскій гусь былъ выставленъ за надписью „самоѣдская малица".

Далѣе я приведу перечень матеріаловъ, получаемыхъ изъ оленьихъ шкуръ.

Пешка — шкурка маленькаго теленка, погибшаго вслѣдъ за теленіемъ отъ неблагопріятной погоды. Нарочно его никогда не бьютъ: это было бы убыточно. Идетъ, преимущественно, на треухи, шапки и одежду для дѣтей.

Неплюй—шкурка теленка, убитаго послѣ линянія, на пятомъ мѣсяцѣ отъ теленія (конецъ августа). Сортовъ неплюя много. Чѣмъ теленокъ моложе, тѣмъ шерсть на немъ темнѣе, и такая шкурка цѣнится выше. Шкурка теленка, битаго осенью, въ сентябрѣ и октябрѣ, идетъ подъ видомъ большешерстаго неплюя; называютъ такую шкурку и выросткомъ. Идетъ, преимущественно, на дохи и парки, а также на ягушки, малицы и гуси.

Постель — шкура взрослаго, ѣзженнаго оленя. Идетъ не только для постелей, но и для постилки на нартахъ, а также для покрышки клади, взамѣнъ рогожи, при перевозкѣ.

Постель осенняя—шкура взрослаго оленя, битаго послѣ линянія (въ сентябрѣ и октябрѣ). Шкуры этого рода, будучи короткошерсты, сравнительно съ обыкновенной постелью, идутъ на шитье одежды.

Кисы—шкура съ оленьихъ ногъ. Идетъ на узорчатую вышивку, рукавицы и обувь.

Лобъ. Идетъ на подошвы къ обуви.

Жилы. Идутъ на выдѣлку нитокъ, которыми шьютъ одежду и обувь.

Затѣмъ привожу перечень тѣхъ предметовъ одежды, какіе получаются изъ оленьихъ шкуръ.

Ягушка-панны представляетъ собою распашную верхнюю женскую самоѣдскую одежду. Верхъ—неплюй, подкладъ—выростокъ, воротникъ—песцовые хвосты, рукавицы — выростковыя лапы, узорчатая вышивка — изъ неплюйчатыхъ лапъ. Ягушка подпоясывается поясомъ—нигине.

Капоръ — песово-женскій самоѣдскій головной уборъ изъ

головы неплюя, узорчатая вышивка—изъ неплюйчатыхъ лапъ, опушка бѣлая, изъ песцовыхъ хвостовъ. Мѣдныя украшенія—необходимая принадлежность каждаго треуха.

Малица, гусь и парка, въ общемъ представляютъ по покрою длинную, глухую, безъ разрѣза рубаху съ пришитымъ къ ней треухомъ (чепцомъ) для головы. Эти три вида одежды носятся не только самоѣдами и оленьими остяками, но, отчасти, и русскими.

Ма́лица-малицѧ́—мужская одежда изъ выростка, мѣхомъ внутрь, треухъ-пешка, рукавицы изъ неплюйчатыхъ лапъ, нижняя опушка, па́нда, изъ собаки. Подпоясывается обыкновенно ремнемъ и у пояса подбирается — укорачивается; составляетъ повседневную домашнюю одежду; отъ времени зашивается и засаливается на подобіе полушубка. Будучи же покрыта соотвѣтственнаго размѣра сорочкою, длиною лишь до панды, изъ цвѣтной бумазеи, малица составляетъ одежду праздную, и тогда подпоясывается уже праздным поясомъ.

Гусь, кумышъ-со́вокъ—верхняя мужская одежда изъ выростка, мѣхомъ наружу, опушка на треухѣ — изъ песцовыхъ хвостовъ. Суконные лоскутки на спинѣ—необходимая принадлежность каждаго гуся. Гусь надѣвается въ холодную погоду сверхъ малицы.

Парка — верхняя одежда, преимущественно изъ неплюя, треухъ, большею частью—голова неплюя, узорчатыя вышивки—изъ неплюйчатыхъ лапъ и сукна. Взамѣнъ бумазейной сорочки надѣвается на малицу.

Кисы—нимы, чижи—чулки. Кисы—изъ лапъ выростка и стараго оленя, шерстью наружу. Чижи—изъ неплюя и выростка, шерстью внутрь. Женскіе кисы разнятся отъ мужскихъ лишь узорчатой вышивкой.

Поясъ—Ни и ножъ—Харъ—необходимая принадлежность каждаго самоѣдина. Поясъ состоитъ изъ широкаго кожанаго ремня съ большой мѣдной пряжкой, обтянутаго краснымъ сукномъ. На немъ посажено до сотни мѣдныхъ пуговицъ, 10 подвѣсковъ, 25 колечекъ и 4 цѣпочки. Къ поясу подвѣшенъ ножъ съ ножнами и кошелекъ, вышитый бисеромъ, для помѣщенія трута и огнива. Ножи самоѣды куютъ сами изъ старыхъ подпилковъ, для ноженъ покупаютъ тонкую мѣдную жесть; ножны, черенки къ ножамъ а также и кошельки дѣлаютъ сами.

Пьянство широко распространено среди всѣхъ инородцевъ,

но нигдѣ оно не связано съ такой эксплоатаціей своей же братіи, какъ среди самоѣдовъ.

Самоѣды рѣки Ныды всю свою осеннюю добычу подледнаго промысла пыжьяна везутъ въ Сургутъ. На вырученныя отъ продажи пыжьяна деньги покупаютъ почти исключительно вино, которое вымѣниваютъ впослѣдствіи на оленей Тазовскимъ и Нуровскимъ самоѣдамъ, хлѣба же покупаютъ только на проѣздъ. Закупивъ вина, Ныдскіе самоѣды отправляются домой. Встрѣчныхъ Низовыхъ самоѣдовъ они сначала угощаютъ, и сами пьютъ вмѣстѣ съ ними, а затѣмъ уже торгуютъ виномъ, причемъ за маленькаго оленя даютъ 2 бутылки, за средняго 4, а за большого 5—6 бутылокъ. Нерѣдко случается, что Нуровскіе и Тазовскіе самоѣды, будучи не въ состояніи, подъ вліяніемъ временнаго опьяненія, продолжать дальнѣйшій путь, остаются на мѣстѣ встрѣчи съ Ныдскими самоѣдами. За время остановки ихъ на этомъ мѣстѣ подходятъ слѣдующіе чумы, такъ что, въ концѣ концовъ, образуется цѣлый съѣздъ самоѣдовъ, гдѣ пьянство продолжается иногда въ теченіе нѣсколькихъ дней.

Приведу еще цифру, освѣщающую данный вопросъ. По приблизительному подсчету, изъ Сургута во время самоѣдской ярмарки самоѣдамъ отпускается вина до 1500 ведеръ.

А. П. Якобій въ 1894 году открылъ на рѣкѣ Надымѣ еще одинъ народецъ, который остяки называютъ Нях-самар-яхъ. Народъ этотъ монгольскаго типа и по внѣшнему виду почти не отличается отъ самоѣдовъ, но языкъ его не имѣетъ никакого сходства ни съ самоѣдскимъ, ни съ остяцкимъ.

IV.

Зыряне.

Роль и значеніе ихъ въ жизни Тобольскаго сѣвера. — Общая характеристика проживающихъ въ краѣ зырянъ.—Районъ ихъ кочевокъ.—Причины усиленія здѣсь зырянскаго элемента. — Село Ижма и его значеніе въ торговлѣ Тобольскаго сѣвера.—Зырянскій вопросъ.—Зырянская колонія Саранъ-пауль.—Значеніе зырянъ въ дѣлѣ колонизаціи Тобольскаго сѣвера.—Общій выводъ и указаніе необходимыхъ мѣръ по зырянскому вопросу.

Всѣ проживающіе въ Березовскомъ краѣ зыряне, какъ кочевые, такъ и осѣдлые (въ г. Березовѣ и селахъ: Обдорскѣ,

Мужахъ и деревнѣ Саранъ-пауль)—ижемцы; здѣсь ихъ называютъ сѣверными жидами, такъ какъ они смышленѣе и развитѣе самоѣдовъ и остяковъ и обладаютъ большими способностями къ торговлѣ. „Народъ-экспертъ", какъ выражаются въ Обдорскѣ о зырянахъ, характеризуя ихъ пронырливость. Народъ этотъ—крѣпкій, трудолюбивый и выносливый, по наружности подходитъ къ великороссу.

Между ними часто попадаются мастера-ремесленники.

Районъ кочевокъ зырянъ обнимаетъ собою пространство съ запада на востокъ отъ Урала до Оби и даже за Обью, между рр. Полуемъ и Куноватью, причемъ нерѣдко они переходятъ и Полуй, до р. Надыма и даже Надымъ, направляясь съ торгомъ на встрѣчу Низовымъ самоѣдамъ.

По Уралу зырянскія кочевья раскинуты отъ р. Лянина и до Байдарацкой губы. Въ сентябрѣ и октябрѣ зыряне со своими стадами спускаются съ Урала; большая часть ихъ остается для зимней кочевки между рр. Лянпиомъ и Сыней, меньшая направляется въ бассейнъ р. Сыни и къ Оби, переваливая послѣднюю въ октябрѣ или ноябрѣ на всемъ ея протяженіи отъ села Мужей до Обдорска и ниже на 70 верстъ, до Имберніола (юрты Вульнослинскія), при чемъ заходятъ на востокъ даже до вершины р. Полуя. Обратная перевалка начинается въ мартѣ. За Ураломъ зырянскія зимовья и кочевья раскинуты по р. Усу. Кочующіе въ предѣлахъ Тобольской губерніи зыряне имѣютъ постоянное общеніе съ зауральскими своими собратьями, какъ кратчайшимъ путемъ, такъ и черезъ Лянинъ, отчего между Ураломъ и Обью существуетъ оживленное движеніе, нарушающее тишину лѣсовъ; поэтому и звѣря тамъ не такъ обильно, какъ на востокъ отъ Большой Оби. Причина такого оживленнаго движенія заключается въ томъ, что торговля почти всѣми товарами оленеводства и, частью, рыбой и пушниной находится въ рукахъ богатыхъ зырянъ, и товары эти транспортируются въ с. Ижму кочующими здѣсь зырянами, при чемъ перевалъ черезъ Уралъ совершается по Сибиряковской дорогѣ—Лянинъ-Печорской.

Наплывъ кочующихъ зырянъ усилился—и, главнымъ образомъ, въ предѣлахъ Лянинской волости—около 20-ти лѣтъ тому назадъ, послѣ водворенія въ этомъ краѣ сибиряковскаго дѣла. Въ первые годы Сибиряковъ сплавлялъ по Лянину свыше 100 т. пудовъ хлѣба, который транспортировался за Уралъ,

на Печору, для чего требовались большія перевозочныя средства. Это обстоятельство и привлекло сюда оленныхъ кочующихъ зырянъ, пріобрѣвшихъ отъ перевозки хлѣба солидный заработокъ. До этого зырянскіе чумы близъ рѣки Ляпина появлялись весьма рѣдко, въ настоящее же время зырянъ кочуетъ до 20-ти чумовъ съ 20—30 тысячами головъ скота, главнымъ образомъ, между юртами Межинаульскими и Ляпинскою пристанью.

Зырянскія оленныя стада находятся здѣсь 5 мѣсяцевъ: съ ноября по мартъ, остальное же время кочуютъ по Уралу, откуда *они въ началѣ зимы спускаются*, подвигаясь въ направленіи, паралельномъ Уралу. Каждый хозяинъ гонитъ свое стадо отдѣльно, чтобы не мѣшать своихъ оленей съ чужими, для чего прорубаются въ лѣсу просѣки; такихъ параллельныхъ просѣкъ прорубается до 10, въ разстояніи 4—5 верстъ другъ отъ друга.

Село Ижма—*средоточіе обработки здѣшняго оленьяго сырья*. Въ этомъ селѣ до 20 замшевыхъ заводовъ; на нихъ выдѣлывается грубая замша, окончательная обработка которой производится въ Москвѣ. Въ Ижму изъ Обдорска отправляется весь неплой, болѣе толстый, чѣмъ тотъ, что идетъ на дохи, а также почти вся крупная оленина, или такъ называемая *постель* (до 15 т. шкуръ). Кромѣ того, транспортируется, хотя и въ небольшомъ количествѣ, рыба, которая изъ Ижмы поступаетъ на сосѣднія ярмарки (Пинегу и др.) и даже въ Петербургъ.

Осѣдлые зыряне (торговцы и рыболовы) полезны, какъ сильные конкуренты мѣстнымъ русскимъ торговцамъ *въ дѣлѣ скупки* пушины и оленьяго сырья у инородцевъ, повышая цѣны на эти товары. Кочующіе оленеводы привозятъ въ незначительномъ количествѣ разные товары, необходимые въ обиходѣ инородцевъ, какъ-то: топоры, пешни, котлы, арканы, деревянную посуду и проч., но главный и значительный товаръ ихъ привоза—это оленье мясо. За послѣднія пять лѣтъ оленьяго мяса привозилось въ Обдорскъ ежегодно въ количествѣ отъ 3 до 5 тысячъ тушъ, вѣсомъ отъ 7 до 12 тысячъ пудовъ. *Почти все это мясо* даютъ оленьи стада кочующихъ здѣсь зырянъ; мѣстные оленоводы даютъ лишь незначительное количество мяса.

Хотя присутствіе здѣсь зырянъ, повидимому, и полезно для края, но многіе—противъ нихъ, какъ кочевыхъ, такъ и осѣдлыхъ. Зыряне вездѣ сильные конкуренты русскимъ торговцамъ,

и, естественно, вызываютъ неудовольствіе и даже антагонизмъ къ себѣ послѣднихъ. Очень вѣроятно, что по проискамъ и подстрекательствамъ русскихъ торговцевъ поступаютъ отъ инородцевъ тѣ жалобы, послѣдствія которыхъ были бы очень плачевны для зырянъ, если бы рѣшеніе мѣстной администраціи было приведено въ исполненіе. Привожу нижеслѣдующій фактъ. Въ началѣ 1896 года администраціей было сдѣлано распоряженіе о поголовномъ выселеніи всѣхъ зырянъ, проживающихъ въ деревнѣ Саранъ-пауль, Березовскаго уѣзда, при чемъ, кажется, было объявлено, что они должны выселиться въ 2 или 3-хъ мѣсячный срокъ. Зыряне поспѣшили подать прошеніе въ Петербургъ, въ которомъ ходатайствовали о пріостановкѣ и совершенной отмѣнѣ этого распоряженія и о водвореніи ихъ въ дер. Саранъ-пауль. На ихъ прошеніе не замедлило послѣдовать распоряженіе о пріостановкѣ и отмѣнѣ выселенія, вторая же часть ходатайства не удовлетворена и по настоящее время.

Считаю нелишнимъ изложить данныя объ этой зырянской колоніи, состоящей изъ 40 домовъ и 300 душъ населенія.

Заселеніе означеннаго пункта зырянами началось около 50 лѣтъ назадъ съ согласія мѣстныхъ инородцевъ, при чемъ за дозволеніе уплачено инородцамъ по 25 рублей съ каждаго домохозяина, и платится ежегодный оброкъ за право жительства, независимо отъ платежей за пользованіе лугами, пастбищами и рыболовными мѣстами.

Пунктъ Саранъ-пауль (остяцкое названіе; по-русски—зырянская деревня) расположенъ по р. Ляпину въ 5 верстахъ ниже Ляпинской пристани Сибирякова.

Этотъ зырянскій поселокъ одинъ изъ важнѣйшихъ транзитныхъ пунктовъ между Обдорскомъ и Мужами, рынками оленьяго кожевеннаго сырья, и селомъ Пжмой, пунктомъ обработки этого сырья. Въ этотъ поселокъ заѣзжаютъ самоѣды-оленеводы для мѣновой торговли, а также и кочующіе зыряне-оленеводы изъ-за Урала. Чрезъ Саранъ-пауль направляется и мороженая рыба съ низовьевъ Оби за Уралъ. Въ 5 верстахъ отъ этого пункта, именно отъ Ляпинской пристани, начинается зимній Сибиряковскій путь черезъ Уралъ-Ляпинъ-Печорскій. Проживающіе въ дер. Саранъ-пауль зыряне—осѣдлы, занимаются разными работами на сосѣдней сибиряковской пристани, извозомъ, а также мѣновой торговлей.

Наличное количество корма вполнѣ обезпечиваетъ успѣш-

ное развитіе скотоводства въ приуральской части Березовскаго края.

Хлѣбопашество, хотя отчасти и возможно въ данномъ районѣ, но, во всякомъ случаѣ, оно одно не можетъ обезпечить населенія. Поэтому и на заселеніе этого края только крестьянами-хлѣбопашцами разсчитывать невозможно, а слѣдовательно и нельзя быть разборчивымъ въ выборѣ того или другого элемента переселенцевъ. Естественно, что самый подходящій элементъ будущихъ переселенцевъ въ этомъ краѣ—сосѣдніе зауральскіе выходцы, условія быта которыхъ болѣе или менѣе тождественны съ условіями быта въ здѣшней мѣстности.

Въ настоящее время зыряне-ижемцы пока единственное связующее звено сѣверныхъ окраинъ Европы и Азіи, и, какъ никто другой, пригодны для выполненія этой миссіи.

Между тѣмъ зырянъ упрекаютъ въ томъ, что они, сравнительно недавно начавъ заниматься оленеводствомъ, исключительно какъ промысломъ для наживы, ведутъ дѣло самымъ хищническимъ образомъ. Громадныя стада ихъ подолгу застаиваются на одномъ мѣстѣ и не только выѣдаютъ весь ягель до корня, но еще вытаптываютъ мѣсто такъ, что оно походитъ на вспаханное поле.

Что касается до нераціональнаго веденія зырянами пастьбы оленей, то, разумѣется, это весьма печально, и противъ этого надо принять мѣры; упрекать же зырянъ въ томъ, что они занимаются оленеводствомъ, исключительно какъ промысломъ для наживы,—едва ли основательно. Это уже будетъ протестъ противъ развитія оленеводства, а слѣдовательно и противъ экономическаго развитія, которое находится въ зависимости отъ средствъ передвиженія, да и самая жизнь въ этомъ краѣ по климатическимъ условіямъ немыслима безъ оленеводства.

Возражу и противъ утвержденія недавности зырянскаго оленеводства. По запискамъ Латкина, ѣздившаго на Печору въ 1843 году, ижемцы тогда уже владѣли 120 т. головъ скота.

Зыряне вытаптываютъ тундру: это я слышалъ отъ другихъ: о томъ, что они торгуютъ спиртными напитками, воруютъ и даже, случается, грабятъ оленей у здѣшнихъ инородцевъ, обдавливаютъ звѣропромышленныя мѣста, совершаютъ самовольныя порубки лѣса: это уже я знаю самъ.

Разумѣется, все это—дѣянія не только вредныя, но и преступныя, за которыя радѣтели интересовъ здѣшнихъ инород-

цевъ не прочь бы выселить отсюда за Уралъ всѣхъ зырянъ поголовно.

А вотъ картинка. Остяки и самоѣды съ рр. Надыма и Ныды являются въ Сургутъ и даже въ с. Тундринское съ рыбой, преимущественно нѣжьяномъ, котораго привозятъ годами до 3.000 пуд.—раньше всѣхъ инородцевъ, нерѣдко даже въ концѣ ноября мѣсяца. Продавъ рыбу, они закупаютъ только необходимое для своего обихода, большая же часть выручки идетъ на покупку вина, съ которымъ они стремятся назадъ на встрѣчу движущимся на Сургутъ самоѣдамъ рр. Пура и Таза и ведутъ съ ними бойкую безпатентную торговлю виномъ, продавая его не дешевле рубля за бутылку.

А нѣкоторые богатые самоѣды увозятъ изъ Сургута каждый по нѣскольку десятковъ ведеръ водки развѣ для своего собственнаго употребленія? Они даже спеціально скупаютъ бутылки въ Сургутѣ, въ которыхъ продаютъ сильно разбавленную водку по 1 рублю за бутылку. Они же ссужаютъ бѣдняковъ въ долгъ деньгами и оленями, требуя уплаты вдвое. Дѣянія ихъ также преступны: ихъ-то куда выселить?

Намѣренія радѣтелей интересовъ здѣшнихъ инородцевъ идутъ еще дальше; они не прочь бы выгнать изъ этого края не только зырянъ, но и русскихъ. Оставимъ же ихъ при ихъ несбыточныхъ мечтахъ.

Прежде всего, осѣдло-проживающихъ здѣсь зырянъ слѣдуетъ водворить законнымъ порядкомъ и опредѣлить мѣста, на которыхъ будетъ признано возможнымъ, безъ стѣсненія мѣстныхъ инородцевъ, дальнѣйшее водвореніе вновь прибывающихъ зырянъ.

Для кочующихъ зырянъ необходимо назначить предѣльныя границы ихъ кочевій, дальше которыхъ они не могли бы проникнуть; въ этихъ границахъ опредѣлить продуктивность тундры, т.-е. выяснить, какое количество скота можетъ прокормиться ежегодно на этомъ пространствѣ безъ оскудѣнія корма въ тундрѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ—выработать условія самаго кочеванія и попутно изучить здѣшнее оленеводство.

Кочевку зырянскихъ оленьихъ стадъ на востокъ отъ Оби слѣдуетъ воспретить по двумъ главнымъ причинамъ: во-первыхъ, по причинѣ значительнаго скопленія въ этомъ районѣ оленьихъ стадъ мѣстныхъ самоѣдовъ и, частью, остяковъ, а во-вторыхъ, въ виду того обстоятельства, что зыряне, какъ уже сказано, переходятъ даже Надымъ, направляясь съ торгомъ на встрѣчу

Низовымъ самоѣдамъ, что вовсе нежелательно въ интересахъ самоѣдовъ, такъ какъ такая торговля-мѣна въ пустынной мѣстности, при отсутствіи всякаго надзора и при сильной солидарности между собою зырянъ, можетъ породить злоупотребленія, да и, наконецъ, присутствіе зырянъ съ ихъ стадами на востокъ отъ Оби не вызывается нуждами этого края.

Само собою разумѣется, что при осуществленіи предполагаемыхъ мѣропріятій относительно зырянъ, населеніе края увеличится, а также усилится его торговля и промышленная дѣятельность, наличныхъ же административныхъ силъ даже для нынѣшняго состава населенія недостаточно; поэтому для усиленія средствъ надзора необходимо образовать въ уѣздѣ третій станъ.

Мѣстопребываніемъ Сосвинской и Ляпинской инородной управы, вмѣсто села Сартыньинскаго, слѣдуетъ назначить юрты Шомпинскія. Послѣднія, находясь на 15 верстъ ниже устья Ляпина, являются болѣе центральнымъ пунктомъ, чѣмъ село Сартыньинское, такъ какъ онѣ лежатъ почти на перекресткѣ всѣхъ дорогъ, проложенныхъ въ этой мѣстности. Въ интересахъ же правосудія должно образовать въ Самаровѣ самостоятельный мировой участокъ, къ которому, между прочимъ, слѣдуетъ отнести Елизаровскую волость и часть Кондинской волости Березовскаго мирового участка.

V.

Положительное вліяніе русской культуры на инородцевъ. — Заимствованіе остяками русскаго домашняго обихода. Обрусѣніе.—Остяки, населяющіе территорію Самаровской волости и побережье Оби, на протяженіи отъ с. Самарова до Березова, какъ наиболѣе воспріявшіе русскую культуру.—Вліяніе отрицательнаго характера. — Пьянство, какъ главный порокъ инородцевъ.—Вопросъ о введеніи въ краѣ казенной винной монополіи въ полномъ объемѣ.—Занесеніе русскими болѣзней.—Современное положеніе медицинской помощи въ краѣ.—Шаманское леченіе.—Вогульская народная медицина.—Болѣзни инородцевъ.—Вопросъ объ угасаніи инородцевъ.—Результаты изслѣдованія этого вопроса А. Г. Якобіемъ.—Характеристика матеріала по вопросу объ угасаніи. — Несоотвѣтствіе существующихъ законоположеній объ инородцахъ современнымъ требованіямъ жизни инородческаго населенія.—Годовой кругооборотъ промысловой жизни инородцевъ.—Необезпеченность населенія продовольствіемъ въ годы стихійныхъ бѣдствій.—Необходимость распространенія въ такіе годы на Тобольскій сѣверъ закона о правительственной помощи въ мѣстностяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая.—Необходимость, въ цѣляхъ поднятія благосостоянія населенія, мѣропріятій экономическаго значенія.—Необходимость легальнаго водворенія русскаго и зырянскаго населенія.—Вопросъ о введеніи общаго административнаго управленія.—Общій выводъ.

Говоря о вліяніи русской культуры на инородцевъ, я хочу указать на фактъ проникновенія въ жизнь инородца русскаго быта съ его свѣтлыми и темными сторонами. Указанное вліяніе замѣчается конечно тогда, когда инородцы соприкасаются съ русскими. Въ этомъ отношеніи на первый планъ нужно поставить остяковъ. Тамъ, гдѣ среди остяковъ разбросаны оазисами русскія поселенія, или сами остяки проживаютъ близъ границъ сплошныхъ русскихъ поселеній, весьма замѣтно вліяніе на остяцкую жизнь русской культуры. На другихъ инородцахъ, какъ очень рѣдко соприкасающихся съ русскими, вліянія этого почти незамѣтно, такъ что, говоря о немъ, я буду имѣть въ виду преимущественно остяковъ.

Вліяніе положительнаго характера выражается, главнымъ образомъ, въ томъ, что остяки перенимаютъ у русскихъ черты домашняго обихода. Привожу нѣкоторыя изъ своихъ наблюденій, подтверждающихъ эту мысль.

У Назымскихъ остяковъ Самаровской волости, Тобольскаго уѣзда, проживающихъ въ низовьѣ р. Назыма, существуетъ почти полный русскій обиходъ. Избы — съ русскими печами; есть

мебель: столы, кровати, даже стулья; есть самовары, и даже водится фамильный чай. Хлѣбъ пекутъ, какъ ржаной, такъ и крупичатый. Одѣваются въ русскую одежду,—нѣкоторые говорятъ по-русски. У остальныхъ остяковъ Самаровской волости, проживающихъ на Оби и Иртышѣ, тоже почти русскій обиходъ. Многіе говорятъ по-русски, а нѣкоторыхъ даже трудно отличить отъ русскихъ.

Между селомъ Самаровскимъ и г. Березовомъ—двѣ русскія волости: Елизаровская и Кондинская, собственно 8 русскихъ населенныхъ пунктовъ, разбросанныхъ оазисами среди остяковъ. Проживающіе на этомъ протяженіи по Оби остяки въ нѣкоторыхъ населенныхъ пунктахъ представляются обрусѣвшими: одѣваются въ русскую одежду, всюду слышится русская рѣчь, и даже льются звуки гармоники.

Въ западной части Сургутскаго края русская культура сказывается только въ ближайшихъ къ границѣ Самаровской волости населенныхъ пунктахъ: юртахъ Балинскихъ, Сахалинскихъ и Тукаскиныхъ да по р. Салыму.

Салымскіе остяки въ числѣ 56 домохозяевъ проживаютъ въ 14 населенныхъ пунктахъ. Они, сравнительно съ другими, культурны: живутъ въ бревенчатыхъ избахъ, которыя строятъ сами, держатъ лошадей повсемѣстно, а въ нѣкоторыхъ юртахъ даже коровъ и овецъ; ихъ женщины пекутъ хлѣбъ, ткутъ холстъ, вышиваютъ бисеромъ и шерстью. Избы свѣтлыя, русскаго типа—съ сѣнями, о двухъ и даже трехъ комнатахъ,—имѣютъ глинобитную русскую печь, другую небольшую печь, въ которой вмазанъ котелъ, и, кромѣ того, чувалъ.

Не то въ средней части Сургутскаго уѣзда. Едва ли гдѣ хуже обстановка остяковъ, какъ отъ Сургута до устья р. Даха, на протяженіи около 250 верстъ; тутъ бѣдность и грязь; рѣдко пекутъ кислый хлѣбъ, пробавляются лишь прѣсными лепешками. Далѣе положеніе остяковъ улучшается. Въ юртахъ имѣются небольшія печи для печенія хлѣба; выше с. Александрова начинаютъ появляться русскія избы и рогатый скотъ, а еще выше, отъ юртъ Верхне-вартовскихъ до Нарымской границы,—почти полный русскій обиходъ. Но самый народъ на всемъ протяженіи отъ Сургута до юртъ Верхне-вартовскихъ на видъ весьма невзрачный: масса людей сравнительно не старыхъ, а уже сѣдыхъ, съ головой, покрытой струпьями, которые встрѣчаются даже у дѣтей.

Отрицательное вліяніе русской культуры на инородцевъ выражается въ томъ, что послѣдніе переняли отъ первыхъ привычку къ пьянству, распространившемуся среди инородцевъ въ ужасающихъ размѣрахъ.

Если, говоря о проникновеніи русскаго обихода въ жизнь инородцевъ, я имѣлъ въ виду, главнымъ образомъ, остяковъ, то о пьянствѣ можно смѣло трактовать въ приложеніи ко всѣмъ инородцамъ. Всѣ вообще здѣшніе инородцы, какъ самоѣды, такъ остяки и вогулы, пьютъ водку; непьющихъ рѣдко можно встрѣтить. Пьянство у инородцевъ порокомъ не считается, а смерть въ пьяномъ видѣ, по ихъ понятіямъ, есть самая блаженная. Но пусть факты говорятъ сами за себя.

Во время моихъ многочисленныхъ поѣздокъ по остяцкимъ поселкамъ мнѣ часто приходилось наблюдать такую картину: все населеніе юртъ въ теченіе нѣсколькихъ дней поголовно пьянствовало. Остякъ пользуется всякимъ поводомъ, чтобы напиться вина. Сборы на промыселъ, сопровождающіеся оригинальнымъ обрядомъ, называемымъ „пари", убійство медвѣдя, коммерческія сдѣлки: все это служитъ ему указаннымъ поводомъ. Пьянство сопровождается почти всегда ссорами и драками, но безъ судебныхъ послѣдствій. Остяки разсуждаютъ такъ: „Мы были пьяны, ничего не помнимъ: послѣ этого какой же судъ?"

Пользуясь склонностью остяковъ къ водкѣ и будучи увѣрены въ своей безнаказанности, обыватели Нарымскаго края вмѣстѣ съ товарами ввозятъ въ Сургутскій край и спиртные напитки—продавая ихъ остякамъ за двойную цѣну и подрывая этимъ матеріальное положеніе инородцевъ, большею частью смутно понимающихъ свои интересы и не умѣющихъ оградить себя отъ эксплоатаціи болѣе культурныхъ сосѣдей. Увѣренность въ безнаказанности своихъ дѣйствій достигаетъ иногда того, что торговля водкой производится совершенно открыто. Въ началѣ 1901 г., въ январѣ или февралѣ мѣсяцѣ, одинъ изъ нарымскихъ торговцевъ, нѣкто Тинеинъ, пріѣхавъ въ предѣлы Лумпокольской управы, ѣздилъ по юртамъ, предлагая купить у него водки, которую и продавалъ по 1 рублю за бутылку; когда же родовой староста, не имѣя, конечно, никакого представленія о томъ способѣ торговли виномъ, какой допускается закономъ, спросилъ у Тинеина, имѣетъ ли онъ документъ на продажу вина, то послѣдній, указывая ему на какую-то бумагу, заявилъ, что это разносное свидѣтельство на право продажи водки.

О широкомъ распространеніи пьянства среди самоѣдовъ я уже говорилъ ранѣе.

Среди вогулъ, обитающихъ по верхнему теченію Сосвы, выше устья р. Лянина, также сильно развито пьянство.

Нѣкоторые оленные вогулы Сосвы и Лянина везутъ свои товары на продажу въ с. Никито-Ивдельское, Верхотурскаго уѣзда, Пермской г., откуда, между прочимъ, привозятъ водку, которую покупаютъ какъ для себя, такъ и по заказу другихъ. Отъ ведра заказанной водки отбавляется обыкновенно до четверти ведра, недостающее же количество доливается водою. Заказчикъ, въ свою очередь, разбавитъ, и потребитель пьетъ сильно разбавленную водку, платя отъ 1 р. до $1^1/_2$ рубля за бутылку. Слабую разбавленную водку для крѣпости настаиваютъ табакомъ. Разумѣется, что отъ такой водки инородецъ находится въ полупьяномъ состояніи довольно продолжительное время: по нѣскольку сутокъ и даже съ недѣлю. Въ общемъ, пьянствуютъ съ рѣкостава до положенія ясака; во время самаго положенія и даже далѣе, т.-е. 4 мѣсяца: съ октября по январь. Во время положенія ясака происходитъ страшное пьянство: такъ въ районѣ юртъ Пякеимвольскихъ водки сколяется ведеръ до 40 и болѣе; изъ русскихъ завозятъ водку не только березовцы, но даже и верхотурцы.

Въ Лянинъ доставляется ежегодно до 100 ведеръ вина; вино это сборное по заказу разныхъ лицъ для годового ихъ обихода, но между этими лицами мнѣ указали четырехъ человѣкъ, торгующихъ виномъ.

Осенью 1898 года артель изъ 18 чел. вогулъ Пякеимвольскихъ, Хальпаульскихъ и Искарскихъ въ одну ночь добыла неводомъ около 100 пудовъ нельмы. Послѣ такого удачнаго промысла пьянствовали 5 сутокъ; взято было 5 ведеръ водки на 100 рублей. Благопріятное для лова время, конечно, было упущено. И это далеко не единственный случай.

Пьянство—главный порокъ инородцевъ Сѣвера и, вмѣстѣ съ лѣностью,—главное препятствіе благосостоянію ихъ. Не говоря о вредѣ его для инородцевъ съ чисто физіологической стороны, укажу на то, что оно въ корнѣ подрываетъ ихъ матеріальное положеніе. Очень многія сдѣлки съ инородцами совершаются при помощи вина, при чемъ въ результатѣ оказывается, что инородецъ обманутъ. Зная склонность инородца къ вину, торговцы, а иногда и свой братъ торганъ-инородецъ.

предварительно спаивают его и берутъ за водку разнаго рода шкуры и рыбу, иногда менѣе, чѣмъ за половинную цѣну.

Если гдѣ и можно было бы ожидать быстрыхъ и хорошихъ плодовъ отъ введенія казенной винной монополіи, то именно здѣсь, на Сѣверѣ, потому что только охраной инородцевъ отъ отравленія алкоголемъ и возможно улучшить ихъ матеріальное благосостояніе. Но, къ сожалѣнію, до сихъ поръ въ этомъ направленіи не предпринято почти никакихъ мѣръ. Введеніе здѣсь съ 1-го іюля 1902 года казенной винной монополіи въ неполномъ объемѣ не только не улучшило существующихъ порядковъ въ области торговли виномъ, но даже послужило къ повышенію цѣнъ на вино, а между тѣмъ качество его остается прежнее, какое было до введенія винной монополіи.

Существующій способъ торговли виномъ даетъ торговцамъ возможность къ разнаго рода злоупотребленіямъ и, вообще, весьма гибельно отзывается на инородческомъ быту. Въ 1902 году торговцы, пользуясь предоставленнымъ имъ по закону правомъ продажи остатковъ вина по вольной цѣнѣ, подняли цѣну съ 8 до 18 руб. за ведро. Несомнѣнно, что даже такая высокая цѣна не остановитъ остяковъ отъ покупки водки, и, такимъ образомъ, на послѣднюю они будутъ тратиться вдвойнѣ.

Если принять во вниманіе, что нѣкоторыя фирмы, предвидя въ будущемъ необходимость покупать вино въ казнѣ, заблаговременно сдѣлали запасы, достаточные на довольно продолжительное время, то становится очевиднымъ, что остякамъ придется пользоваться дорогимъ виномъ еще довольно долго.

Полагаютъ, что введеніе казенной винной монополіи въ полномъ объемѣ на Тобольскомъ сѣверѣ невозможно, такъ какъ инородцы, за отсутствіемъ, будто бы, денежныхъ знаковъ, принуждены будутъ расплачиваться за вино сырымъ матеріаломъ, что, конечно, создало бы громадныя затрудненія. Въ дѣйствительности это не такъ. Денежные знаки здѣсь во всеобщемъ обращеніи. Я лично неоднократно имѣлъ случай наблюдать разсчеты русскихъ торговцевъ съ самоѣдами, этими главными потребителями водки.

Происходитъ это обыкновенно такимъ образомъ. Продала, напримѣръ, артель самоѣдовъ рыбу-нымъянъ по 2 руб. 75 коп. за пудъ, т.-е. одинъ пудъ за 3 руб., а другой за 2 руб.

50 коп. самоѣды знаютъ только цѣлыя монетныя единицы и полоовины. Соотвѣтственно этому торговецъ раскладываетъ на столѣ вещи на двѣ кучки: одна за 10 пудовъ, положимъ, по расцѣнкѣ 3 руб. за пудъ, другая за то же количество пудовъ по расцѣнкѣ 2 руб. 50 коп. за пудъ, и т. д. до конца ряженка. Затѣмъ самоѣды дѣлятъ между собою вырученную сумму по паямъ, и каждый получаетъ причитающуюся ему часть на руки. Послѣ этого уже они закупаютъ у торговца необходимые имъ товары.

Такимъ образомъ, опасенія относительно отсутствія денежныхъ знаковъ несостоятельны, и препятствій для введенія здѣсь казенной винной монополіи въ полномъ объемѣ съ этой стороны встрѣтиться не можетъ.

Кромѣ пьянства, русскіе со своимъ появленіемъ на Тобольскомъ сѣверѣ занесли и нѣкоторыя болѣзни, незнакомыя до тѣхъ поръ инородцамъ. Сифилисъ, вслѣдствіе отсутствія медицинской помощи, развивается среди инородцевъ очень быстро. Для леченія инородцевъ отъ распространившагося между ними сифилиса въ 1835 году повелѣно было учредить въ Березовѣ и Нарымѣ на казенный счетъ больницы.

Вообще, вопросы народнаго здравія для Тобольскаго сѣвера являются одними изъ самыхъ важныхъ. Положеніе медицинской помощи здѣсь таково, что, при всемъ желаніи, она не въ состояніи удовлетворить населенія. На весь край только двѣ больницы: въ Березовѣ и Сургутѣ. Врачей всего трое: одинъ въ Сургутскомъ уѣздѣ—уѣздный, и два въ Березовскомъ (въ Березовѣ—уѣздный и въ Обдорскѣ—объѣздной). По штату положено въ городахъ Березовѣ и Сургутѣ по городовому врачу, но вслѣдствіе ничтожнаго штатнаго вознагражденія занять эти должности не находится желающихъ, и жалованье городовыхъ врачей получаютъ уѣздные.

Хотя Тобольскій сѣверъ и раздѣленъ на сельскіе врачебные участки, которыхъ числится въ Березовскомъ уѣздѣ два и въ Сургутскомъ одинъ, но лишь одинъ Обдорскій участокъ имѣетъ врача, въ Березовскомъ же и Сургутскомъ участкахъ обязанности сельскихъ врачей отправляютъ уѣздные. На Самаровскій участокъ Тобольскаго уѣзда также полагается врачъ при находящейся въ с. Самаровѣ лечебницѣ, но въ дѣйствительности этотъ постъ почти всегда остается незанятымъ, и обязанности Самаровскаго сельскаго врача несетъ сосѣдній врачъ.

За исключеніемъ состоящихъ при врачахъ фельдшеровъ, послѣднихъ, вмѣстѣ съ лекарскими учениками, находится въ Сургутскомъ уѣздѣ 3, въ Березовскомъ 5; повивальныхъ бабокъ—по одной въ каждомъ уѣздѣ.

Средства, отпускаемыя на врачебное дѣло, незначительны. Въ 1901 году на Сургутъ было отпущено 6.179 руб. 24 коп., а на Березовъ—9.814 руб. 89 коп. (приводимыя цифры показаны для названныхъ городовъ вмѣстѣ съ уѣздами). Такимъ образомъ, въ Сургутскомъ уѣздѣ въ годъ на каждаго жителя приходится среднимъ числомъ 74 коп., а въ Березовскомъ всего лишь 44 коп.

За врачебной помощью инородцы въ послѣднее время обращаются довольно охотно. Однако, за отсутствіемъ ея, они лечатся, большею частью, у своихъ шамановъ, леченіе которыхъ состоитъ, собственно, въ ворожбѣ.

Бывшій березовскій фельдшеръ, А. Кориковъ, приводитъ слѣдующія средства, употребляемыя въ народной вогульской медицинѣ.

1) Дорогая трава или корень сасапарилы—противъ сифилиса, ревматизма и другихъ болѣзней, характеризующихся ломотою костей; съ такою же цѣлью употребляются вересковыя ягоды и листья брусники.

2) Составъ: женское парное молоко, смѣшанное съ черемуховой сѣрой, вороновой желчью и порошкомъ серебра, употребляется противъ кератита; при этомъ, чтобы достать вороновой желчи, ворона необходимо убить при полномъ мѣсяцѣ. Окуневый жиръ—при другихъ болѣзняхъ глазъ.

3) Стружки медвѣжьяго зуба, медвѣжье сало употребляется при рѣзаныхъ ранахъ.

4) Медвѣжья желчь — при коликѣ.

5) Дѣтскій поносъ лечится бобровою струею.

6) Кашель — стручковымъ перцемъ съ виномъ.

7) При переломахъ пьютъ молоко, сваренное съ порошкомъ мѣди.

8) Болѣзни кожи лечатся мазью изъ медвѣжьяго сала съ груднымъ женскимъ молокомъ (необходимо дѣвушки).

Кромѣ того, мнѣ удалось узнать, что остяками Сургутскаго уѣзда стручковый перецъ и березовая губа въ настоѣ на водкѣ или на водѣ—употребляются какъ лекарство отъ внутреннихъ болѣзней. Зимой во время промысловъ инородцы употребляютъ

папиатырь въ качествѣ средства, отстраняющаго аппетитъ и жажду.

Вслѣдствіе нечистоплотной, грязной обстановки, въ которой живутъ инородцы, отсутствію медицинской помощи и дезинфекціонныхъ средствъ, эпидемическія болѣзни особенно быстро распространяются среди инородцевъ и производятъ страшныя опустошенія. Изъ эпидемическихъ и другихъ болѣзней среди инородцевъ особенно распространены: тифъ, оспа, дифтеритъ, горячка, сифилисъ, чесотка, глазныя болѣзни, иногда цынга. Наиболѣе страшныя по тѣмъ опустошеніямъ, которыя они производятъ, тифъ и оспа. Чахоткой, зубной болью, глистами инородцы почти вовсе не страдаютъ.

При тѣхъ условіяхъ жизни, въ которыхъ находятся инородцы, эпидемическія болѣзни производятъ среди нихъ большія опустошенія, чѣмъ среди русскихъ. Это одна изъ причинъ угасанія инородцевъ.

Факта угасанія инородцевъ отрицать нельзя, но оно происходитъ не въ одинаковой степени и не повсемѣстно. Изслѣдованія А. Н. Якобія исповѣдныхъ росписей дали слѣдующія результаты: за періодъ времени 90 лѣтъ (1803—1893) въ Березовскомъ уѣздѣ остяцкое населеніе убыло на 10% и вогульское на 24%, а въ Сургутскомъ уѣздѣ остяцкое населеніе прибыло на 46%. Разсматривая детально эти результаты по районамъ-приходамъ, наблюдаемъ неравномѣрность убыли и прибыли. Такъ въ Березовскомъ уѣздѣ Сосвинскіе вогулы дали самую незначительную убыль—1%, а Лянинскіе—48%. Далѣе, остяки 5-ти приходовъ дали убыль:

Бѣлогорскій	41%
Сухоруковскій	32
Шерчальскій.	30
Два Березовскихъ	12

Остяки же другихъ 5-ти приходовъ (кромѣ Обдорскаго, который оставленъ безъ разслѣдованія) дали прибыль:

Мало-атымскій	7%
Казымскій.	3
Кушеватскій и Мужевскій . .	15
Чеманскій	31

Въ Сургутскомъ уѣздѣ убыль заключается только въ Ваховскомъ приходѣ—5%; остальные, исключая Сургутскаго, даютъ слѣдующую прибыль:

Юганскій	25%
Верхне-лумпокольскій	27
Нижне-лумпокольскій	15
Ларіяхскій	224

При изслѣдованіи вопроса объ угасанія инородцевъ А. Н. Якобій пользовался, главнымъ образомъ, исповѣдными росписями, представляющими собою посемейные списки крещеныхъ инородцевъ, ежегодно составляемые причтомъ приходскихъ церквей. Въ росписи минувшаго года при провѣркѣ дѣлаются отмѣтки объ измѣненіи состава населенія, и на основаніи этого составляется роспись послѣдующаго года. По этимъ же росписямъ ведутся книги о родившихся и книги объ умершихъ.

При провѣркѣ исповѣдныхъ росписей заносятся не всѣ родившіеся и умершіе въ данномъ году, а только тѣ, надъ которыми былъ совершенъ православный обрядъ крещенія или похоронъ. Такимъ образомъ, дѣти, умершія до крещенія, не подлежатъ никакой регистраціи, и установить процентъ смертности среди дѣтей младшаго возраста нѣтъ возможности. Погребаются же инородцы всѣ не по обряду православной церкви; отпѣваніе производится долго спустя послѣ погребенія, когда священнику будутъ сообщены свѣдѣнія объ умершихъ, или же онъ самъ произведетъ провѣрку, которая въ дальнихъ юртахъ бываетъ не каждый годъ. Въ послѣднемъ случаѣ въ книги объ умершихъ заносятся разомъ всѣ умершіе за предыдущіе года, и, такимъ образомъ, получается впечатлѣніе эпидеміи, которой на самомъ дѣлѣ не было.

Вообще, исповѣдныя росписи создаютъ не мало путаницы, и брать изъ нихъ готовые итоги для статистики безъ провѣрки нельзя. Такъ, кажущаяся странность исчезанія однѣхъ и появленія другихъ юртъ объясняется тѣмъ, что остяки и вогулы имѣютъ юрты зимнія и лѣтнія, которыя носятъ разныя названія. Такимъ образомъ, названіе юртъ въ исповѣдной росписи зависитъ отъ того, когда была провѣрена послѣдняя: зимой или лѣтомъ.

Иногда при провѣркѣ росписей не оказывается какихъ-нибудь юртъ. Это происходитъ оттого, что населеніе ихъ послѣ пожара или вслѣдствіе неблагопріятныхъ условій промысла переселяется въ другой районъ. Подобнымъ образомъ исчезли изъ росписи въ періодъ 1813—23 годовъ Лайтховы юрты, населеніе которыхъ А. И. Якобій нашелъ въ Нижнепугорскихъ юртахъ.

Изъ приведеннаго факта видно, что мы всегда рискуемъ принять убыль населенія прихода путемъ переселенія за угасаніе, котораго не существуетъ, и наоборотъ — прибыль пришлаго элемента за приростъ населенія. Подобнымъ переселеніемъ объясняется неравномѣрность убыли вогулъ: Сосвинскихъ — на 1%, а Лянинскихъ — на 48%. Можетъ быть, получились бы иные результаты, если бы А. И. Якобіемъ было произведено изслѣдованіе Обдорскаго края, гдѣ нерѣдко можно встрѣтить вогулъ, переселившихся изъ Лянинской волости.

Что касается метода изслѣдованія, то обычный методъ суммарной статистики по отношенію къ инородцамъ Тобольскаго сѣвера не можетъ дать точныхъ выводовъ. Въ общей суммѣ неизбѣжно исчезнутъ факты вымиранія цѣлыхъ семей, между тѣмъ количество населенія можетъ и не измѣняться, благодаря приросту въ другихъ семьяхъ. Единственный правильный методъ изслѣдованія вопроса объ угасаніи инородцевъ — это методъ посемейной статистики. Только посемейные списки, при условіи тщательнаго веденія ихъ, могли бы дать вполнѣ достовѣрный матеріалъ. Однако, за неимѣніемъ лучшаго, приходится пользоваться исповѣдными росписями. Тутъ-то и обнаруживается ихъ главный недостатокъ. Дѣло въ томъ, что въ исповѣдныхъ росписяхъ составъ семьи выражается не дѣйствительнымъ числомъ ея членовъ, а создается искусственно. По установленному порядку, каждыя четыре лица мужскаго пола составляютъ семью, или дворъ: если же ихъ въ дѣйствительной семьѣ болѣе, то остальныя приписываются къ слѣдующему двору.

Въ литературѣ давно раздаются жалобы на незавидную жизнь здѣшнихъ инородцевъ. Слова: „наглая эксплоатація", „обираніе", „спаиваніе", стали обыденными. За послѣднія 40 лѣтъ много путешественниковъ и изслѣдователей-этнографовъ посѣтило здѣшній край, нѣкоторые даже предлагали

проекты улучшенія быта инородцевъ, однако и по настоящее время все осталось почти такъ, какъ было: да въ настоящее время и трудно разсчитывать на то, чтобы государство рѣшилось на какую-либо радикальную реформу, такъ какъ этотъ вопросъ очень сложный и не исчерпывается одними инородцами Тобольскаго сѣвера: вѣдь масса инородцевъ раскинута на необъятномъ пространствѣ имперіи до Берингова пролива. Предстоящій пересмотръ Положенія объ инородцахъ коснется, главнымъ образомъ, порядка управленія, т.-е. административной части.

Существующіе законы объ инородцахъ никогда не отвѣчали требованіямъ жизни сѣвернаго инородческаго населенія. Функціонирующее Положеніе объ инородцахъ, если судить даже по цѣлой серіи техническихъ выраженій, совершенно неизвѣстныхъ на Сѣверѣ, писалось, повидимому, для степныхъ народностей. Между тѣмъ, бытъ послѣднихъ не имѣетъ ничего общаго съ бытомъ сѣвернаго инородческаго населенія.

Кстати скажу нѣсколько словъ о годовомъ кругооборотѣ жизни инородцевъ Тобольскаго сѣвера.

По отсутствію земледѣлія въ краѣ единственнымъ средствомъ къ существованію для населенія являются промысла. Привожу въ послѣдовательномъ порядкѣ перечень промысловъ съ указаніемъ періода времени, въ теченіе котораго производится тотъ или иной промыселъ, при чемъ за начало промысловаго года принято время вскрытія рѣкъ.

Рыболовный промыселъ наступаетъ по вскрытіи рѣки, т.-е. въ маѣ, и длится до замора воды, т.-е. до декабря — января мѣсяца. Послѣ этого и почти до вскрытія рѣкъ промыселъ рыбы производится только у живуновъ. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ рыболовный промыселъ имѣетъ первенствующее значеніе, населеніе еще до наступленія вскрытія рѣкъ переѣзжаетъ изъ мѣстъ своего зимняго проживанія въ лѣтнія жилища, расположенныя обыкновенно на берегу рѣкъ, у самой воды. Жилища эти, если они постояннаго характера, состоятъ изъ бревенчатыхъ избъ, если же временнаго, то представляютъ собою берестяные шалаши. Осенью, въ сентябрѣ, инородцы возвращаются обратно въ зимнія жилища. Инородцы нѣкоторыхъ мѣстностей имѣютъ по трое юртъ: весеннія, лѣтнія и осеннія, сообразно мѣстамъ ихъ промысловъ.

Звѣроловный промыселъ наступаетъ съ замерзаніемъ рѣкъ, въ октябрѣ, и длится до апрѣля мѣсяца.

Промыселъ водяной птицы длится три-четыре недѣли, начинаясь со времени прилета, наступающаго недѣли за двѣ до вскрытія рѣки, такъ что промыселъ этотъ производится, главнымъ образомъ, въ маѣ.

Промыселъ линяющей утки производится въ іюлѣ.

Промыселъ лѣсной птицы наступаетъ съ половины августа и продолжается до выпаденія снѣга.

Кедровый промыселъ начинается со второй половины августа.

Время сѣнокошенія находится въ зависимости отъ ранняго или поздняго спада водъ и наступаетъ: раннее въ первой половинѣ іюля и позднее во второй половинѣ августа.

Заготовка дровъ рѣдко наступаетъ въ декабрѣ, обыкновенно ихъ начинаютъ готовить съ января мѣсяца.

Насколько видно изъ вышесказаннаго, бытъ здѣшняго населенія, въ особенности инородцевъ, сложился такъ, что почти круглый годъ они заняты тѣмъ или инымъ промысломъ. Если принять во вниманіе незначительный приростъ инородческаго населенія, малочисленность состава семей, недостатокъ рабочихъ силъ и общую бѣдность, то становится очевиднымъ, что всякое отвлеченіе инородцевъ отъ дѣла промысла вредно отзывается на ихъ благосостояніи. Между тѣмъ, въ силу необходимости приходится ихъ отвлекать для отбытія земской гонъбы натурою въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ эта повинность не могла быть до настоящаго времени переложена на денежную. Въ цѣляхъ предоставленія инородцамъ полной свободы располагать временемъ, въ особенности въ періоды главныхъ промысловъ, слѣдовало бы вездѣ, гдѣ это представляется цѣлесообразнымъ и возможнымъ, отмѣнить натуральную земскую повинность, переложивъ ее на денежную.

Здѣсь слѣдуетъ, кстати, отмѣтить тотъ фактъ, что въ годы голодовокъ законъ о правительственной помощи, по точной его буквѣ, не можетъ быть примѣненъ къ населенію сѣверныхъ окраинъ.

Такъ какъ продовольствіе хлѣбомъ для большинства населенія Тобольскаго сѣвера всецѣло зависитъ отъ частныхъ предпринимателей, то продовольственный вопросъ всегда грозитъ осложненіями, въ особенности въ годы стихійныхъ бѣдствій, которыя не только ничѣмъ не предотвратимы, но и едва ли даже

могутъ быть своевременно предвидимы. Тогда какъ въ мѣстностяхъ губерніи, пострадавшихъ отъ неурожая, въ помощь населенію принимаются мѣры, указанныя спеціальнымъ закономъ, жители сѣверныхъ уѣздовъ въ годы стихійныхъ бѣдствій обыкновенно предоставляются самимъ себѣ и лишаются помощи только потому, что живутъ внѣ черты земледѣльческой культуры, т.-е. иначе сказать, указанный законъ о помощи при неурожаяхъ не можетъ быть примѣненъ къ нимъ въ буквальномъ смыслѣ. Эти стихійныя бѣдствія сильно подрываютъ благосостояніе населенія, такъ какъ въ такіе годы оно лишается большой части скота.

Въ виду исключительныхъ условій этого края: отдаленности его отъ рынковъ и губернскаго города, продолжительности распутицы, отсутствія телеграфа и неудовлетворительности сообщеній, населеніе можетъ остаться въ совершенно безпомощномъ состояніи относительно продовольствія хлѣбомъ. Поэтому казалось бы необходимымъ всегда имѣть запасы хлѣба на Сѣверѣ и въ нужныхъ случаяхъ организовать общественныя работы, хотя бы въ видѣ лѣсныхъ заготовокъ.

Вообще, сомнительно разсчитывать на то, чтобы благосостояніе инородческаго населенія повысилось отъ проведенія однѣхъ административныхъ мѣръ, въ родѣ переустройства быта инородцевъ. Помимо этого, необходимы мѣры, вызываемыя самой жизнью, т.-е. мѣры экономическаго значенія, главнымъ образомъ, въ области рыбопромышленности.

Вопросы рыбопромышленности составятъ особый отдѣлъ моей книги о Тобольскомъ сѣверѣ. Здѣсь я не буду распространяться по даннымъ вопросамъ, такъ какъ это завело бы меня слишкомъ далеко. Скажу только, что ненормальность существующаго порядка вещей въ области рыболовства констатирована даже самими рыбопромышленниками, признавшими практикуемые нынѣ способы лова рыбы хищническими.

Оленеводство также имѣетъ важное значеніе для здѣшняго Сѣвера, гдѣ безъ него и самая жизнь невозможна. Довольно трудно сказать, развивается ли оно здѣсь или падаетъ, такъ какъ сколько-нибудь удовлетворительной регистраціи оленей не существовало и не существуетъ. Всѣ статистическія данныя, какія исправники прилагаютъ при своихъ обзорахъ, не даютъ представленія о дѣйствительномъ положеніи оленеводства въ томъ или иномъ районѣ края, такъ какъ инородныя управы,

вмѣсто того, чтобы опрашивать населеніе, просто изъ года въ годъ переписываютъ старыя свѣдѣнія, при чемъ варьируются цифры то на повышеніе, то на пониженіе.

По произведенному мною статистическому подсчету оленеводства оказывается, что таковое у вогулъ и остяковъ, обитающихъ въ зонѣ высокоствольныхъ лѣсовъ (часть Березовскаго уѣзда, южнѣе 64-й параллели, и весь Сургутскій), не блестяще и еле-еле удовлетворяетъ потребностямъ передвиженія. Число оленей на хозяина, въ среднемъ, не превышаетъ 23-хъ, число безоленныхъ хозяевъ достигаетъ мѣстами 40% населенія. Вслѣдствіе бѣдности и другихъ экономическихъ причинъ, количество оленей въ хозяйствахъ остяковъ и вогулъ сильно колеблется. Такъ, есть остяки, имѣющіе 100 и болѣе оленей (напримѣръ, по р. Агану), но у большинства хозяевъ количество оленей не превышаетъ 12 — 15. Что касается безоленныхъ остяковъ и вогулъ, то наиболѣе всего таковыхъ встрѣчается по р. Ляпину— до 40%, и затѣмъ по р. Ваху — 32%, Югану — 28%, Тапсую — 14% и Сосвѣ — 14%.

Въ виду важнаго значенія оленеводства въ хозяйствѣ и вообще въ жизни Сѣвера, изученіе его является прямо необходимостью. По моему мнѣнію, надлежитъ послать компетентное лицо съ цѣлью изученія моховой тундры, какъ оленьяго пастбища, самаго типа оленя, какъ лѣсного, такъ и степного, и, наконецъ, изслѣдованія болѣзней оленя и мѣръ борьбы съ ними, поручивъ вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлить продуктивность тундры и вырѣшить, въ какой мѣрѣ возможно здѣсь допустить кочевку зырянскихъ оленьихъ стадъ. Въ цѣляхъ обезпеченія средствами передвиженія инородцевъ, въ особенности—звѣропромышленниковъ, слѣдовало бы организовать дѣло снабженія оленями неимущихъ хозяевъ.

На ряду съ инородцами-аборигенами въ правильной организаціи нуждается также русское и пришлое зырянское населеніе Тобольскаго сѣвера.

Въ настоящее время даже среди коренного русскаго населенія не всѣ имѣютъ въ своемъ пользованіи земельныя и водныя угодья. Какъ на примѣръ, укажу на крестьянъ села Обдорскаго. Положеніе же русскихъ, проживающихъ по паспортамъ, уже совсѣмъ неопредѣленно, такъ какъ они, на основаніи существующихъ законовъ, могутъ быть выдворены. Въ такомъ положеніи находится русское населеніе 23-хъ населенныхъ

пунктовъ, разбросанныхъ какъ бы оазисами среди инородческаго, на протяженіи по Оби отъ Сургута до Нарымской границы.

Но хуже всѣхъ — это положеніе зырянъ, которыхъ здѣсь въ настоящее время свыше тысячи душъ, при чемъ каждый годъ численность ихъ все возрастаетъ, благодаря приселенію новыхъ выходцевъ изъ-за Урала. Зырянскій элементъ здѣшняго края за бортъ, что называется, не выбросишь; волей-неволей приходится съ нимъ считаться и озаботиться о легальномъ его водвореніи, тѣмъ болѣе, что въ настоящее время зыряне являются единственнымъ связующимъ звеномъ сѣверныхъ окраинъ Европейской и Азіатской Россіи.

Что касается введенія общаго для русскихъ и инородцевъ административнаго управленія, то оно возможно, въ видѣ опыта, въ тѣхъ районахъ, гдѣ инородческое населеніе является наиболѣе обрусѣвшимъ. Къ такимъ районамъ можно отнести только побережье Оби отъ Нарымской границы до Березова. При этомъ главнымъ вопросомъ является вопросъ о землепользованіи. На этой почвѣ могутъ сталкиваться интересы обоихъ элементовъ: аборигеновъ-инородцевъ и пришлаго русскаго элемента. Поэтому, прежде чѣмъ дѣлать опытъ введенія общаго административнаго устройства, необходимо привести въ извѣстность всѣ угодья и произвести всестороннее изученіе условій экономическаго быта населенія. Эти послѣднія мѣры должны лечь въ основу всѣхъ дальнѣйшихъ комбинацій на почвѣ переустройства административнаго и экономическаго строя населенія.